Татьяна Абалова
Серебро
Полночь оборотня

Татьяна Абалова

Серебро. Полночь оборотня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68614342
SelfPub; 2022

Аннотация

Всем известно, услышать зов волка – к беде. Каждое полнолуние жители королевства накрепко закрывают все окна и двери, чтобы не впустить в дом несчастье. Только Летисия Сэкхарт поступает вопреки здравому смыслу. Она бежит на зов. Понимает, что ей лучше держаться подальше от оборотней, но ничего с собой поделать не может. Мир Лети неудержимо рушится: запреты не действуют, а в арсенале врага сильнейшее оружие – любовь.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 12
Глава 2 25
Глава 3 38
Глава 4 52
Глава 5 68
Глава 6 83
Глава 7 98
Глава 8 113
Конец ознакомительного фрагмента. 126

Татьяна Абалова
Серебро. Полночь оборотня

Пролог

Ночь медленно, но неотвратимо надвигалась. Вечерний сумрак лишал город красок, менял их на серые тона. Давил, вселял отчаяние.

– Валис, надо успеть до восхода луны, – лорд Сэкхарт в очередной раз поднял глаза к небу, чтобы убедиться, что звезды еще не высыпали. Над верхней губой мужчины блестели капельки испарины. Волосы, кое–как собранные в низкий хвост, на темной ткани плаща отливали серебром. Всего неделю назад они отличались иссиня–черными прядями. Под порывами ветра, откидывающими плащ назад, то появлялся, то исчезал хранящийся в ножнах клинок.

– Время есть, мы близко, – прерывающимся шепотом ответил провожатый, бегущий с Сэкхартом плечом к плечу. Шляпа с бесформенными полями и обломанным пером выдавала в нем представителя низшего сословия, что не умаляло его значимости для хозяина. Если бы не Валис, жизнь лорда пошла бы кувырком. Хотя нынешнее его положение

весьма трудно назвать устойчивым.

– Скорей бы.

Разбитые башмаки добротно месили грязь дороги, в то время как выделанные из тончайшей кожи сапоги лорда уже просились на помойку. Потому Валис и не спешил вырядиться под стать благородным. Деньги водились, но он ценил практичность и удобство превыше всего.

А тот, кто без малого месяц назад считался первым франтом при дворе короля Эндрика, сейчас совсем не думал о внешнем виде. Лишь бы успеть, лишь бы спасти. Если не Далию – прошло слишком много времени с момента ее похищения оборотнями, то хотя бы своего неродившегося ребенка. Как же долго искали, как же поздно узнали, где она находится!

– Милорд, сюда.

В полуразрушенном здании густо пахло мышами, болезнью и нищетой.

– Как тихо… – проснувшееся эхо кинулось ощупывать стены.

– Близится полнолуние. Оборотни затаились, – Валис задыхался. Унять шумное дыхание никак не удавалось. – Боятся выдать себя раньше времени. Не удивлюсь, если среди них есть те, с кем вы при встрече раскланиваетесь.

– Ничего, с каждым поквитаемся.

– Быстрее, луна вот–вот покажется, – из темноты вынырнул мальчишка. Повел за собой.

– Наверху лучше огонь не зажигать, – старый друг накрыл большой ладонью пальцы лорда Сэкхарта, готового сотворить пламя. – Выдадим себя раньше времени.

Скрипучая лестница вела куда–то вниз. Там, на полу у огромной печи, в которой слабо горели угли, лежало что–то бесформенное, шумно и нечисто дышащее. Лорд подлетел, упал на колени, попытался развернуть женщину (а тварь все еще выглядела как женщина), чтобы видеть ее лицо. Бросил заклинание, чтобы огонь вспыхнул ярко и разогнал по углам пугающие тени.

Он не узнавал Далию. Ее черты заострились, глаза впали, верхняя губа подрагивала и обнажала острые клыки. Но все же это была она. Зеленое бархатное платье, дорогое кружево, тончайший батист нижних юбок. Все грязное, заляпанное кровью. На руках, где еще неделю назад позвякивали браслеты, явные следы от веревок. Ее развязали перед тем как бросить. Сделали все, чтобы ничто не мешало леди Сэкхарт превратиться в зверя, стать одной из них. А если не получится и погибнет во время оборота – все–равно цель будет достигнута. Такого удара ее супруг не перенесет. Уйдет в отставку, закроется в своем особняке и… запьет. Как когда–то. Пагубные привычки имеют свойство возвращаться.

– Обращение уже началось, – выдохнул Сэкхарт, скривив лицо от боли. Пальцы женщины, которые он так любил целовать, некрасиво вытянулись, ногти почернели и сделались острыми. – Мы не успеем дотащить ее до кареты.

В повозке ждал доктор, наотрез отказавшийся идти в заброшенную часть города. Никто не отважился бы появиться в Заречье в час волка, разве что отчаянные храбрецы. Да и саму карету пришлось оставить, она просто увязла бы в осенней хляби.

– Начнем здесь, – Валис встал рядом с лежащей женщиной на колени.

– Нет. Я не смогу, – лорд поднял на слугу полные отчаяния глаза. – Она жена мне…

– Придется, – слуга вытащил из кармана куртки тряпицу, аккуратно развернул ее. Блеснула сталь хирургического ножа. – Доктор сказал резать от пупка вниз. Слой за слоем.

– А она выдержит? – Сэкхарт уловил как женщина напряглась. Слышит, но понимает ли, что с ней собираются сделать?

– Я подержу, – на свет появилась толстая леска.

– Это безумие!

– Леди Далия уже не человек. А с появлением полной луны и ребенок в ней перестанет быть человеком. Решайтесь. Спасем хотя бы его. Снимайте перчатки.

Густо запахло бражкой. Валис вытащил бутылку из болтающейся на плече сумы. Вылил часть на руки милорда, в которые тут же сунул нож, остальное размазал по волосатому пузу тяжело дышащей твари. Прошло не больше десяти минут, а в леди Далии уже трудно было различить хоть что–то человеческое. Она подняла лохматую голову, злобно зырк-

нула на пришельцев, но в изнеможении тут же опустила ее. Первый оборот всегда сложен, а для беременной женщины особенно.

– Давайте! – Валис переместился к голове несчастной, просунул под ее шею леску, вывел наружу края, привязанные к деревянным брусочкам так, чтобы при затягивании удавки не порезаться.

– Далия! – позвал лорд Сэкхарт. Тварь шумно сглотнула и перевела мутный взгляд на зовущего. Смотрела долго, изучающе. И вдруг выдохнула:

– Убей меня, Лунд. Пора.

Он не узнал голос. Если бы не имя, не понял бы, кто сейчас к нему обращается: Далия или зверь.

– Торопитесь! Луна появилась! – громыхнув башмаками по лестнице, крикнул мальчишка.

– Пора, – Валис напряг руки, удерживая леску.

– Пора, – выдохнул Лунд Сэкхарт и пристроил хирургический нож под пупком. Его рука, натренированная владением оружия, дрожала.

– Милорд, действуйте смело. Она уже мертва.

Лорд Сэкхарт находился точно в бреду. Заставь его пересказать, как извлек он из мертвого, полу–трансформировавшегося тела дитя, не вспомнил бы. Сознание пришло лишь тогда, когда в его руках запищал испачканный кровью ребенок.

– Девочка, – Валис вытер ладони о штаны, вытащил из

бездонной сумы чистую пеленку, развернул ее и протянул лорду, бездумно таращившемуся на дитя. – Кладите сюда. А сами пуповину перевяжите. Так. Теперь режьте.

Валис поддерживал хозяина за локоть, когда тот тяжело, точно немощный старец, поднимался по лестнице. Подтолкнул, когда лорд обернулся на лежащую на полу женщину.

– Сейчас здесь оставаться нельзя. Полночь оборотня. Мы утром все приберем, – пообещал вынырнувший из темноты мальчишка. – Хоронить как желаете? С почестями? Или нам на заднем дворе ее закопать?

– Тьфу ты, дурак какой! – одернул его Валис. – Леди она. И как леди должна быть похоронена в родовом склепе. Правда, гроб придется сразу заколотить. Не надо, чтобы люди такой ее видели, – он обращался уже к хозяину, который чутко прислушивался к копошащемуся под плащом ребенку. Появился иррациональный страх за дитя. Страх, что не удержит, выронит. Или придушит, слишком крепко прижав.

– Я кругом виноват. Прости меня, Далия. Не сберег. Убил собственными руками.

– Не вы виноваты, а те, кто похитил и обратил. Ну, ничего, хозяин, дайте времечко. Мы их по одному переловим.

Осенний ветер за шаткой дверью ударил в лицо, отрезвил. Кроме неприятного аромата прелой листвы и нечистот, в воздухе витал еще какой–то запах. Неправильный. Отравляющий.

Лишь сделав первые шаги, лорд понял. Пахло псиной и

кровью.

Они побежали. Мальчишка попискивал от страха, но не отставал, держался рядом.

Тени в треугольных шляпах, шумно возящиеся в просветах между домами, в глубоких канавах, за хилыми кустами или повалившимся штакетником, на мгновение застывали, но, опознав бегущих, возвращались к прерванному делу. В свете полной луны молниями сверкали клинки, слышались хлюпающие звуки вспарываемых тел, предсмертные хрипы и прочие звуки, говорящие о творящемся на обочине дороги правосудии. Засада напоролась на засаду.

Приближающийся вой не менее десятка тварей заставил позвоночник покрыться потом. Шла подмога тем, кого сейчас резала охрана.

– Все! Успели, – Валис распахнул дверцу кареты, где в угол забился бледный доктор. – Каспар, кончай хватать ртом воздух, займись девочкой.

Лорд Сэкхарт еще минут пять не мог заставить себя отдать ребенка. Карету раскачивало, сзади слышался дробный стук копыт присоединившихся к ним всадников. Секретная охрана справилась с заданием. Как справились со своей задачей трое отважных людей, спустившихся в дом–приманку: сам лорд, его верный слуга и мальчишка–бродяжка, сумевший отыскавший леди Сэкхарт в Заречье.

«Надо бы спросить его имя. И оставить при себе. Девочке верные люди пригодятся».

Девочка. Лорд Сэкхарт никак не мог назвать ее дочерью. Как–будто не заслужил, не имел права. Без Далии он на многое не имел права. Продолжать жить, быть счастливым, улыбаться ребенку, которого она так и не увидела.

Завтра леди Сэкхарт привезут домой. В последний раз. Сумеет ли он взглянуть ей в лицо или поступит, как советует Валис – накрепко заколотит крышку гроба? Захочет ли запомнить на всю оставшуюся жизнь, насколько оборот изменил любимую женщину? Не предпочтет ли сохранить в памяти ее прежний нежный образ?

– Завтра, все будет завтра. Сейчас главное – девочка, – Лунд приоткрыл тяжелые веки, посмотрел на доктора, который колдовал над люлькой – прозорливый Валис заранее сунул ее и кучу пеленок в карету. Зажженный над тельцем девочки светляк дергался, когда колеса подскакивала на ухабе. – Как она?

– Признаков оборота не видно, – доктор даже не поднял глаза, – но убедимся в том доподлинно лишь в период перелома, когда девочка начнет превращаться в женщину.

– Так долго? – тревога больно сжала сердце. Растить дитя добрые полтора десятка лет, чтобы потом убить? Неужели они опоздали, и приговор малютке вынесен? Нет, не может быть.

– С приходом первых лунных кровей все будет ясно, – доктор запахнул пеленку. – А так совершенно здоровый ребенок. Поздравляю. Я думал, будет хуже.

Глава 1

Полнолуние всегда меня волновало. Может, из–за того, что я была рождена в час волка, а может…

Тут всегда, даже в мыслях, я говорю шепотом: мне кажется, я оборотень. Пусть неправильный, не доходящий до полного оборота, но имеющий все признаки более сильного вида. За что, собственно, оборотней и преследуют. Люди боятся тех, кто сильнее их, и всяческими путями стараются не допустить к власти.

Своими опасениями я ни разу ни с кем не делилась. Тем более с отцом – главой Департамента отношений с иными видами. Мои догадки, что я тварь, вполне могли оказаться правдой, а оборотни в нашем королевстве находились совсем не в привилегированном положении. В случае обнаружения бесконтрольной особи лучшее, что ее ожидало – переселение в резервацию.

Не хочу думать о том, как сложилась бы жизнь зверя, провинившегося или обагрившего руки человеческой кровью. Это страшно. Людской закон суров. Как бы ты ни был богат, какому бы сословию ни принадлежал, возмездие неотвратимо.

Как поняла, что я оборотень? Смутные подозрения зародились где–то год назад, а после только укрепились. За пару ночей до того, как полная луна собиралась выползти на небо,

все внутри меня оживало. Нет, я и в обычное время считалась слишком резвым подростком. Любопытным, непоседливым, озорным. Но с приближением часа волка кровь по моим венам начинала бежать куда быстрее. Слух превращался в настолько тонкий, что я слышала шуршание мыши в подвале. Зрение делалось абсолютным. Я различала тонкие узоры на обоях или могла сосчитать веснушки на лице спящей кухарки. В шаге от противоположной стены кабинета легко читала текст документа, лежащего на отцовском столе. Зря папа всякий раз, стоило мне приблизиться, переворачивал бумаги пустыми страницами вверх. Я уже знала, какие секретные распоряжения он пытается от меня скрыть. Последнее преимущество служило немалой причиной того, почему я не афишировала свои способности.

От провала меня спасало только одно – я почти не менялась внешне. Отличия от меня обыденной были настолько незначительны, что легко списывались на свойственную юным девам страсть к прихорашиванию.

– Ты опять поменяла цвет волос? – папа привычно спрятал донос в папку. Потер уставшие глаза и, откинувшись на спинку рабочего кресла, похлопал по подлокотнику. Традиционный жест приглашения к более тесному общению.

Я не замедлила задержаться, мы не виделись почти неделю. Усевшись, обняла родного человека за шею. Как же сильно я любила отца! Но даже любовь не могла заставить меня признаться. Осознание того, что дочь всесильного лорда

Сэкхарта оборотень, просто убьет его.

– Это лунная пыль из лавки Бибурта, – я запустила пятерню в собственные волосы и продемонстрировала отцу, как сильно они отливают серебром даже при свете лампы. Крошечные искорки, сорвавшись с локонов, осыпались легкой мерцающей пудрой на лацкан его жилета.

Чтобы иметь оправдание смены оттенка шевелюры, приходилось регулярно заглядывать в лавку Бибурта. Столичная молодежь буквально сметала с полок вошедшее в моду «чудо–средство», окрашивающее волосы в несвойственные природе цвета.

Как у любого обитателя королевского дворца у меня был свой круг друзей и недругов. Последние только и поджидали оплошности с моей стороны, чтобы разнести разросшуюся до безобразия сплетню по всей столице. Дочь одного из самых могущественных вельмож всегда под прицелом.

– Придумают же, – отец сморщил нос и ленивым жестом стряхнул с себя искорки.

– Жаль, что через пару–тройку дней краска смоется.

– Скажи, твои эксперименты с внешностью имеют какое–то отношение к балу дебютанток? Я не припоминаю, чтобы ты когда–либо увлекалась яркой косметикой и душными благовониями.

Душными? Знал бы он, с каким трудом я подобрала духи, скрывающие запах недо–оборотня. В полнолуние моя кожа начинала источать столь привлекательный аромат, что ока-

жись отец зверем, сразу бы понял, что дочь нельзя выпускать из дома. Но, к счастью для меня, нос лорд Сэкхарта был не настолько чувствителен. Одуряющий запах спелой розы отобьет желание близкого общения любому мужчине. Лучше так, чем вновь пережить свое первое новолуние.

Неопытная, впервые поддавшись зову оборотня, я собрала вокруг себя целую свору собак. Стоило выйти во внутренний двор, как ко мне сбежались все дворцовые сторожевые псы. Они ходили за мной послушной стаей и преданно заглядывали в глаза.

Представляю, как повели бы себя возбужденные оборотни! Наверняка уже сидела бы где–нибудь в резервации и готовилась к свадебной церемонии с десятым сынком местного альфы. Тфу–тьфу–тьфу! Духи от мадам Лиззи мне в помощь! Их действие я лично проверила. В следующий же час волка собаки от меня шарахались как от прокаженной.

– Не переживай, папа, никаких экстремальных выходок ни с нарядом, ни с краской для лица не предвидится. Твоя дочь постарается выглядеть достойно.

Счастье, что бал случится в середине следующего месяца. Не в полнолуние.

– Хорошо. Лунная пыль меня немного пугает, – он сделал жест, которым обрисовал не только серебристую шевелюру, но и лицо, что тоже при приближении часа волка претерпевало изменения: глаза делались ярче, брови и ресницы темнее, а губы сочнее. Все во мне расцветало для того, чтобы…

к–хм, сейчас будет грубо сказано… привлечь внимание самца. Но папа в любой ситуации оставался тактичным. – Твоя естественная красота утрачивает мягкость, делается агрессивной, а это не то, что хочет видеть отец шестнадцатилетней дочери.

Да, в моей семье все сложно. Особенно после того, как я появилась на свет.

– Милорд, – в кабинет заглянул наш старый слуга. Заметив меня, Валис подмигнул. Я улыбнулась в ответ. Люблю старика как родного. – Аурелио вернулся.

Меня снесло с подлокотника ветром.

– Вито! Вито! – я неслась по коридорам, намереваясь удушить старшего брата в объятиях. Я так по нему соскучилась! В последний раз мы виделись почти два года назад. Тогда он приезжал в кратковременный отпуск.

Увидела его и застыла.

Не знаю, он так изменился или я, но кинуться как прежде на шею не посмела. Вдруг болезненно остро ощутила свою инородную суть. Я неожиданно осознала, что передо мной стоит не друг по детским забавам, не брат, с которым я делилась сокровенным, а сильный красивый мужчина. Хотя таким он оставался и пару лет назад. Красивым и сильным.

«Это час волка на меня так действует, – я постаралась вернуть дыхание. – Он прежний Вито».

Его радушная улыбка едва не заставила потерять сознание. Она огнем выжигала нервы, превращая тело в нечто же-

леобразные. Я, чтобы не упасть, даже схватилась за локоть слуги, который принимал мокрый плащ любимого сына хозяина.

Сына хозяина…

– Что с тобой, Лети? – он легко подхватил меня на руки и уложил на ближайшую кушетку. Беспомощно обернулся на слуг. Щелкнул несколько раз пальцами, не понимая, чего от них требовать. – Воды! И… и что там еще дают трепетным девицам?

Я сошла с ума. Это же Аурелио. Мой брат. Почему я не могу совладать с собой?

– Сын? Что с Лети?! – папа чуть ли не бегом спускался с лестницы. Через мгновение надо мной склонились оба. И только сейчас я заметила, насколько они разные. Совершенно не похожие друг на друга. Они и пахли не как родные люди. Во всяком случае, не как сын и отец. В своем состоянии полуоборота я осознала их непохожесть настолько ясно, что осталось только удивляться, как не замечала этого прежде!

– Отец, Вито нам не родной?

Мой вопрос вызвал странную реакцию: отец засопел – он всегда делал так, когда его заставали врасплох, брат же, наоборот, затаил дыхание.

– Родной, но не по крови, – произнес Вито после небольшой заминки. – Я приемыш.

Оба не ожидали увидеть улыбку на моем лице. А мне было чему радоваться: Вито нам не родной! А я уж испугалась,

что полуоборот задел этическую составляющую моей человеческой сущности. Это же надо, почувствовать влечение к брату!

Хотя я где–то вычитала, что многие хищники в минуты гона игнорируют родную кровь. У собак, к примеру, «свадьба» между родственниками обычное дело. Они будто забывают о своих корнях. Я сама слышала, как ругался королевский егерь, когда обнаружил, что одна из его элитных гончих по недогляду забеременела от единоутробного брата.

Но оборотни, какими бы они ни были хищниками, все–таки оставались разумными существами. Я сильно на это надеюсь. Я же даже в своем недо–обороте не теряю мозги?

Правда, я еще ни разу не встречала ни одного оборотня, чтобы убедиться в своих предположениях. Я хочу этого и боюсь.

– Как же я вас обоих люблю! – я села и притянула к себе отца и «брата», чтобы не выдать, насколько сильно мне хочется ластиться к Вито. Был бы у меня хвост, я бы им махала. – Папа, теперь я, наконец, поняла, почему Вито Аурелио! Это фамилия его родителей, да? А я–то, глупая, все гадала, почему ты так его называешь.

Аурелио с древнего, но уже мертвого языка переводится как «золото, золотой», и частое обращение отца к Вито именно так вызывало во мне жгучую ревность. Вспомнить хотя бы сегодняшнее появление старого Валиса, когда он сообщил, что приехал Аурелио. Не Вито, не «ваш сын, ми-

лорд», а именно Аурелио. Я чувствовала себя второсортной. Братец, значит, золотой мальчик, а я так себе девочка. В минуты саркастического припадка я даже могла поддеть его, позвав: «Вито, золотце, иди сюда!».

– Хотя в документах Вито значится моим сыном, мы оставили ему фамилию Аурелио. Как напоминание о прошлом. Его так звали друзья, – папа, подвинув меня, устроился рядом. Вито же так и остался сидеть на корточках. Только положил ладони на мои колени.

Я не взвилась, не скинула руки, хотя кожу под ними жгло. Я и прежде позволяла брату тискать себя, поскольку ни ему, ни мне не пришло бы в голову вкладывать в наше общение какой–либо чувственный подтекст. Нынешняя внезапная стыдливость выглядела бы странно или даже обидно. Как будто я, обнаружив, что являюсь обладательницей более высокого статуса, чем какой–то найденыш, начала вдруг задирать нос или хуже того – брезговать.

– На самом деле, я не знаю свою настоящую фамилию, как не знаю и родителей. Мне кажется, я всегда жил на улице.

– Папа, мы подобрали его с улицы? – я сделала большие глаза. Не верилось, что столь красивый представитель человеческого рода когда–то жил в подворотне, был бродяжкой. На Вито заглядывались не только мои подруги, но и все дамы, даже замужние, что бывали у нас в гостях. Темноволосый, смуглый, с правильными чертами лица, с ироничным изгибом бровей и манящим светом зеленых глаз, он произ-

водил неизгладимое впечатление. Я закусила губу, мысленно перечисляя все его достоинства. И немалый рост, и ширину плеч, и гордо посаженную голову. В моем воображении он мог быть таинственным принцем, внезапно потерявшим память, но никак ни нищим бродяжкой.

Но даже узнав, что Вито не родной мне по крови, я все равно испытывала к нему чисто сестринскую любовь. Я – человек и живу согласно устоявшейся морали общества, где сестра никогда не посмотрит на брата с вожделением. А мой зверь, почуявший в нем чужака, скоро успокоится. Луна идет на спад.

«Нет, все же какая я слепая!» – я намеренной ушла от опасных мыслей, вернувшись к поразившей меня новости. Как можно было не замечать явного отличия Вито от нас с отцом? Вот что значит сила слова. Мне внушили с детства, что Вито мой брат, и я безоговорочно верила. Хотя разница между нами огромная! Мы с папой оба белокожие, светловолосые, голубоглазые и тонкокостные. Мы с ним словно сказочные эльфы. Вито же рядом с нами смотрелся, как молодой дуб рядом с легко гнущимися ивами.

Я перевела взгляд на висящий на стене портрет мамы, выполненный в полный рост. Вот объяснение тому, почему я не видела столь большой разницы между отцом и братом. Леди Далия Сэкхарт родилась на юге. А южане, как известно, сплошь смуглые и темноволосые. Этого факта моему сознанию было достаточно, чтобы не замечать, что Вито совсем

другой.

– Лети, милая, ты жива только благодаря Аурелио. Он спас тебя, – папа обнял меня. – После такого поступка я не мог поступить иначе, как назвать его сыном. Я же рассказывал тебе историю той страшной ночи?

– Да, маму похитили враги. Если бы она родила меня в час волка, то я бы тоже сделалась оборотнем. Но вы со стариком Валисом успели, – отчеканила я, постаравшись произнести фразу заученно. Я переживала, что мой голос дрогнет.

– Мы не успели бы, если бы Валис не обратился к бродяжкам. Они знали все закоулки города, как свои пять пальцев. Но и здесь нас могла постичь неудача, если бы среди ватаги нищих не оказалось смышленого мальчишки. Вито единственный из всех не побоялся сунуться в Заречье.

Я слышала о трагедии, когда–то давно постигшей Заречье. О ней упоминалось даже в учебниках. Некогда богатая окраина Индоры в течение года превратилась в гиблое место. Оттуда не возвращались ни сборщики налогов, ни нечаянно забредшие торговцы и актеры, ни шпионы короля. До дворца однако дошла страшная правда: Заречье – оплот оборотней. Они намеревались захватить столицу и возвести на трон своего главаря.

Враги избрали весьма хитрую тактику. Они проникали в добропорядочные семьи под видом слуг и не покидали их до тех пор, пока каждый из обитателей пригородного поместья не превращался в оборотня. Сопротивляющиеся находили

быструю смерть. Зараза расползалась по столице и грозила выплеснуться за ее пределы.

После того, как Заречье окружили королевские войска и выжгли напасть огнем и мечом, в этой части Индоры больше никто не селился. Ее обходили стороной не только горожане, но даже уличное отребье.

Сразу же после разгрома приказом короля оборотни были объявлены вне закона. Живой оборотень – угроза государству. Если кого–то обращали насильно, то единственное, что в те смутные времена ждало бедолагу – смерть от руки королевских охотников или жизнь в вечном гонении. Люди ненавидели и боялись оборотней, те сопротивлялись и становились еще опаснее. Они не справлялись со своей звериной сущностью и выкашивали глухие селения целиком. Их убивали, и они убивали еще ожесточеннее.

– Просто чудо, что хлипкий подросток не побоялся сунуть нос в Заречье, – отец с благодарностью посмотрел на Вито.

Я знала, что похитителей мамы так и не нашли. Захваченные в плен оборотни оказались крестьянами, которых послали на убой – сторожить дом, где в муках переживала оборот беременная женщина.

– Расчет преступников был прост, – голос брата волновал моего зверя, и я закрыла глаза, чтобы не выдать себя. – Леди Сэкхарт, пережив оборот, вернулась бы домой прежней. Никто не догадался бы, что она уже не человек. Ее побег от похитителей сочли бы за чудо и постарались окружить лю-

бовью и заботой.

– Все знают, насколько твари хитры и лживы, и что они творят с людьми. У нас не было бы ни шанса, – отец усиленно тер чернильное пятно на указательном пальце. Потрет на стене напротив смущал его. Называть любимую жену тварью ему было трудно, но он собственными глазами видел, как сильно изменяется человек, превращаясь в огромного волка. Кровожадного волка, уничтожающих неугодных ему. – Честно признаюсь, вернись твоя мама в дом, я бы с радостью ее принял. И мгновения бы не сомневался.

– А в ближайшее полнолуние нас ждала бы кровавая расправа. Крошка, твоя мама уже не была человеком. Она всех нас превратила бы в свое подобие, – замерший рядом с хозяином Валис положил руку на его плечо. Я видела, что отец и его друг до сих пор несут груз вины за ту страшную ночь.

У папы с Валисом были особые отношения. Старик не хотел никаких повышений, хотя папа мог сделать его управляющим или даже подобрать назначение при дворе.

«Какой мне прок от красивого звания? Я и так живу во дворце, – отмахивался Валис. – Но зато могу позволить себе одеваться, как нравится, а не как положено по статусу. Носить, к примеру, стоптанные сапоги. Моим уставшим ногам в них привычно. Мне, как слуге, простят, если я вытру рукавом вспотевшее лицо или начну обмахиваться шляпой с обломанным пером. Не жизнь, а красота!»

Обломанное перо – особый шик человека, свободного от

предрассудков.

– Хорошо, что надежды заговорщиков не оправдалась, – отец вновь посмотрел на Вито. – Мы избежали страшного только благодаря Аурелио. Он нашел мою жену, и я собственными глазами увидел, какая участь ждала всех нас.

Папа вздохнул и обнял меня за плечи. Я тоже обняла его.

– Нет, твои духи невыносимы, – скривился отец. – И эта чертова краска тоже.

Он похлопал по сюртуку, празднично осыпанному блестками.

Вито смерил меня задумчивым взглядом и вдруг удивленно вскинул брови. Словно только что заметил, какой я сделалась взрослой.

Лишь Валис, погруженный в собственные думы, смотрел не на меня, а куда–то в сторону.

«Еще немного потерпите, мои родные. Луна начнет убывать, и я вновь превращусь в милую девушку».

Глава 2

Я вздохнула и оглядела дорогих мне людей. Папа вновь уставился на мамин портрет. Глубокая складка залегла меж его бровей.

– Я все–таки не поняла, какую цель преследовали заговорщики, похитив маму? – я намеренно разрушила повисшую тишину. Хотелось досконально разобраться в старом вопросе. Он для меня важен как никогда. – Ну превратилась бы наша семья в оборотней и что? Король одной рукой справился с целым Заречьем, ему ли пасовать перед небольшой кучкой подданных?

– Всякой твари хочется жить, – отец печально вздохнул. – Я не уверен, что, став оборотнем, наложил бы на себя руки или пошел бы добровольно сдаваться. Я сделал бы все, чтобы о нас не узнали. Сократил количество слуг до минимума. Причем оставил бы только тех, кто не имеет родни или предан нашей семье. Окружил бы себя охраной, превратив доверенных людей в сильных оборотней. Я тихо собирал бы армию. И ждал своего часа.

– Какого часа?

– Когда смог бы жить, не скрываясь.

– А что для этого нужно?

– Чтобы оборотни сделались полноправными членами нашего общества. И здесь без кровавой войны не обошлись бы.

– А проиграть им, значит, ввести их во власть, – брат, наконец, убрал ладони с моих колен и поднялся. – Но этого мы никогда не допустим. Королевством Тамбер всегда правили люди, и их право незыблемо. Пусть оборотни живут в отведенных для них местах и там устраивают свои законы. Им дали достаточно земли.

– Да, я рад, что мне не пришлось идти против короля. Я не смог бы жить в резервации и ходить увешанный браслетами, словно пес в строгом ошейнике.

Мне неприятно было слышать последнюю фразу отца. Именно он придумал Страж – сдерживающий амулет, без которого оборотень не имел права появляться за пределами резервации. Но их хотя бы перестали убивать. Оборотни уже не скрывались, официально заводили семьи и как могли служили отечеству.

По сути, место их постоянного обитания – это тюрьма, пусть она не ограничивалась камерой с окошком под потолком, а занимала в сумме шестую часть королевства. С момента создания Стража количество зарегистрированных оборотней неумолимо увеличивалось. И вовсе не потому, что они кого–то насильно обращали. Прирост шел вполне естественным путем. Как рассказывал Валис, побывавший в одной из резерваций, в каждой семье росло не меньше пяти щенков. Щенков! Оборотни своих отпрысков не называли детьми!

– Но разве мы можем быть уверены, что где–то под боком

у нас уже не живет преступная группа оборотней, которая только ждет своего часа? – тут я позволила голосу дрожать. – Ведь виновника гибели моей мамы так и не нашли? Наверняка он затаился, но не отказался от идеи господства одного вида над другим?

– Вот как раз та причина, по которой я согласился возглавить Департамент. Я не только слежу за оборотнями, но и быстро вычисляю предателей, – отец поднялся следом за братом. – И Аурелио в том мой помощник.

Я вздохнула. Обнаружь я себя, и у меня появится сразу два сильных противника: отец и Вито. Грустно и несправедливо.

– Мы переехали во дворец, так как здесь к нам труднее подобраться?

Король ценил отца и его работу. Он отдал под Департамент все Западное крыло королевского дворца. Великая честь для любого из подданных.

Правда, архитектурное решение дворца позволило и другим лордам насладиться близостью к королю. С высоты птичьего полета здание было похоже на солнце, нарисованное детской рукой. Лучей у «солнца» было ровно восемь, и все они носили незамысловатые названия. Например, Северное, Восточное или Юго–западное крыло.

Сейчас личные покои семьи Сэкхарт занимали целый этаж над Департаментом. А до моего рождения мама и папа жили в отдельном особняке. Он хоть и охранялся, но не стал

защитой для его хозяйки. Предатели есть везде, но в королевском дворце к нам подобраться гораздо сложнее.

– Да, дочь, – отец потрепал меня по голове, чем вновь вызвал метание искорок. – Здесь мы в безопасности.

Эх, знал бы он, что убийца мамы все–таки добился своей цели: в семье Сэкхартов живет оборотень.

– Ужин подан, – открылись двери, ведущие в малую гостиную. Я совсем неприлично громко сглотнула. Еще один признак, которого у меня не было прежде – зверский аппетит.

***

– Скажи, золотце, где ты пропадал два года?

– Не скажу, – Вито снял с себя камзол и бросил на спинку стула. Брату бы переодеться с дороги и помыться – так всегда делал отец, но Аурелио выглядел на удивление свежим. – Ты же понимаешь, что не следует задавать вопросы, на которые не получишь ответа?

Я подошла ближе, чтобы расправить кружево его воротника, а сама потянула носом и с удивлением почувствовала незнакомый аромат духов. Явно женских. Если бы не полная луна, вряд ли бы я различала столь тонкие нюансы запахов.

От догадки кровь прилила к моему лицу. Выходит, брат не сразу кинулся в отчий дом, а остановился в каком–то другом месте, где, судя по всему, не только принял ванну и переоделся, но и…

Черт. У него есть женщина.

Я еще не знала, правы ли мои рассуждения, и кто та счастливица, что у брата урвала ночь любви (одну ли?), но уже ненавидела ее. Ревность? Вполне может быть. Скорей бы закончился час волка, который делает меня злой и непримиримой сучкой, не пускающей чужаков в свою семью.

– Ну, рассказывай, как ты поживаешь? – Вито удобно устроился в кресле у камина, вытянул длинные ноги и поиграл кончиками элегантных туфель. Белый цвет сорочки очень ему шел. Темные кудри, смуглая кожа, зубы как жемчуг…

Я тряхнула головой и отвернулась к огню. Взяла совок, чтобы сгрести угли. Мне требовалось занять себя хоть чем–то, чтобы не пялиться на Аурелио.

А он как специально расстегнул ворот.

– Живу хорошо. Учусь так себе, – промямлила я.

– Почему?

– Скучно. Вот скажи, зачем мне геометрия?

Вито хмыкнул и поднял на меня насмешливый взгляд.

– Чтобы не вышивать криво? Любая вышивка состоит из сочетания геометрических фигур. Даже если ты создаешь цветочный узор. Покажи мне свое рукоделие.

Я цыкнула, бросила совок, отчего уютную тишину разрушил неприятный лязг, нехотя принесла корзину. Вот зачем ему? Чтобы лишний раз поиздеваться над моей безрукостью?

– Да, с геометрией у тебя однозначно плохо, – он распра-

вил вышивку, которой даже канва не помогла – нехитрый орнамент съехал набок.

Я громко фыркнула.

– Кому сдались эти салфетки–подушечки? Центральная улица забита лавками, где красивых поделок море. И их создают не изнеженные барышни вроде меня, а опытные мастерицы. Так ради чего стараться? Пошел и купил.

– Ты не понимаешь. Вышивая, ты приучаешь себя к усидчивости и терпеливости, развиваешь глазомер, выкраиваешь время для спокойных размышлений. Ведь думаешь о чем–то, когда занимаешься рукоделием?

– Злюсь. И считаю время, когда мэсс Тира прекратит мои мучения. Как по мне, так лучше звук горна, рык зверя, лай собак и самой лететь верхом на коне. Чтобы ветер в лицо. Один на один с опасностью. А если вдруг враг, то я с кинжалом, а не с этими вот нитками–иголками.

– А ты представь, что игла и есть кинжал. И чем увереннее ты вонзаешь ее в ткань, тем точнее поразишь противника.

Брат вдруг оставил кресло и стремительно, не забыв прихватить камзол, удалился в свои покои. Его комнаты находились в начале коридора, напротив отцовских. Мне же принадлежали торцевые помещения, где окна располагались так удобно, что я могла со всех трех сторон обозревать дворцовый парк.

– Даже спокойной ночи не пожелал, – проворчала я, с ненавистью заталкивая разворошенное рукоделие в корзину.

Пнула совок, который печально скрежетнул по полу. Проговорив про себя кучу ругательств, подслушанных у королевских гвардейцев, рухнула в нагретое братом кресло.

Но Вито неожиданно вернулся. Бросил мне на колени холщевый мешочек.

– Что это? Подарок?

– Глупая, – наклонился и вытряхнул аккуратно свернутые вышивки.

– Хочешь упрекнуть меня искусным рукоделием какой–то влюбленной в тебя дурочки?

И вновь меня скрутила вспышка ревности к незнакомке, со старанием вышивающей для Аурелио.

– Это мои работы. Когда твой отец взял меня в семью, мне стукнуло тринадцать. И оставалось лишь два года до поступления в академию. Времени было слишком мало, чтобы успеть освоить прорву того, что рожденные богатыми получали с пеленок. Я упорно добивался, чтобы пальцы мои были ловкими, взгляд острым, голова занята дельными мыслями, а тело умело подчиняться воле. Думаешь, мне не хотелось вернуться на улицу, быть независимым, бегать с ватагой равных? Пусть не знающих что такое горячая еда и крепкие ботинки, но свободных. Я тогда многое бы отдал, чтобы вернуться в подворотни.

Я подняла на Аурелио непонимающий взгляд.

– В подворотни? И об этом ты мечтал, имея устроенную жизнь?

– Не попробовавший не понимает, как, насмерть замерзнув, отогреваться теплом друзей, прижавшихся к тебе на худом тюфяке. И как здорово плевать с высокого моста в реку и смеяться в полный голос, не обращая внимания на людей, в презрении морщивших носы. Не вкусивший свободу не знает, что потерял. Но я был благодарен твоему отцу, подобравшему мальчишку с улицы. Я упорно занимался собой и верил, что однажды из меня получится отличный защитник рода Сэкхарт.

– Я паршивая овца в нашей семье, – мне сделалось стыдно.

– Нет, я не позволю тебе так о себе думать. Я сам займусь твоим воспитанием. Отец только портит тебя своей любовью.

– Разве ты приехал не для того, чтобы сопроводить меня на бал? – я поерзала, понимая, что вот этот, стоящий передо мной мужчина, вполне серьезен. И та самая свобода, о которой брат с упоением говорил, для меня закончилась.

Но я не из тех, кто быстро сдается. Стоило прощупать почву. Может, все не так плохо? Ну наймет для меня Золотце кучу суровых учителей, а сам вновь исчезнет на пару лет и лишь в письмах будет интересоваться моими успехами.

– Час назад я тоже думал, что задержусь здесь только до бала. Сорока дней вполне хватит для общения с родными, но…

– Думал–думал и передумал? – я попробовала повторить

за братом и иронично поднять бровь. Судя по тому, как он, глядя на меня, поморщился, не получилось.

– Придется кое–кем всерьез заняться.

– Вот это да! Ты сделал вывод, что я нуждаюсь в помощи, лишь посмотрев на мою корявую вышивку?

– Я тебя очень люблю.

– Но не позволишь натворить глупостей, да? Слушай, а ты давно вернулся? – я спросила не просто так. Подозревала, что кто–то уже нашептал Вито о моей слишком вольной жизни. Ну в самом деле, трудно же представить, чтобы взрослый мужчина, имеющий кучу обязанностей, вдруг решил остаться в столице из–за моего отвратительного владения иглой?

– Я в городе уже неделю.

– Отец хоть в курсе?

– Да. У каждого из нас есть личная жизнь, – Вито занял противоположное кресло.

– Ты устроил себе каникулы! – я выбралась из своего и, наклонившись, двумя пальчиками оттянула кружевной ворот брата. Шумно втянула носом воздух. – М–м–м, как пахнет!

– А от тебя отвратительно. Прав отец. Плохие духи.

– И кто она? – я не позволила увести разговор в сторону. – Ты собираешься представить ее папе?

– Нет, – на щеках Аурелио появились пятна.

– Продажная женщина? – я сузила глаза.

А что? В столице полно увеселительных заведений, где мужчины не брезгуют провести время. «Очищающая магия

обезопасит любовников от нежеланных последствий». Откуда знаю? Во–первых, об этом кричат зазывалы, стоящие у домов страсти. Хочешь–не хочешь услышишь, даже если едешь в карете по центральной улице. Конечно умолчу, что однажды мы с моей подругой Шелли так и вовсе прогулялись по Нескучному переулку. Едва ноги унесли. Но было весело.

Во–вторых, в высшем обществе какие только разговоры не ходят. Взять хотя бы братьев Шелли. Уж они–то не стесняются в описании своих постельных подвигов. Хорошо, что Свирг и Готвер не догадываются, как хорошо их слышно, если приложить фарфоровую чашу к стене и прижаться к ней ухом.

– Летисия, прекрати, – брат нахмурился. – Тебе не подобает говорить о таком.

– Веселая вдовушка? – я смотрела, как отсветы пламени играют в волосах Вито, а сама прокручивала в голове все те же подозрения. Кто она? Я ее знаю? А вдруг у них все серьезно?

Но брат успокоил.

– Ничего особого. Временное увлечение.

– А теперь ты полностью свободен? Ну, раз решил посвятить свою жизнь мне? Если ты еще не осознаешь, во что ввязываешься, то поясню – у тебя не будет ни минуты свободного времени.

– Даже ночью? – он скептически поднял бровь. Вот ведь умеет делать это красиво!

Хотела ответить «особенно ночью» и для важности покивать головой, но побоялась насторожить брата. Если он заподозрит, то установит слежку и однажды выяснит, что со мной делается в час волка.

– Ну разве что ночью, – кисло согласилась я.

Я не представляла, как круто изменится моя жизнь. И это я угрожала Вито, что у него со мной не будет минуты покоя? Как же я наивна!

Не знаю, что он сказал отцу, но внезапные отлучки Золотца по государственным делам прекратились. Папа смотрел на нас с удивлением, но ничего не предпринимал. А когда я начинала жаловаться на мучителя, отделывался расхожими фразами: «Так надо, дочка», «Он желает тебе счастья», «Терпи и воздастся». Или сразу отсылал меня прочь, делая вид, что сильно занят чтением срочного донесения, хотя держит его вверх ногами.

А Вито буквально захватил меня в плен. Без него я не могла сделать ни шага. Он сменил не только привычных учителей и расписание, но и предметы к изучению. Рисование? Долой! Пение? Туда же! Все сделалось гораздо жестче и серьезнее. Учеба в классе завершалась занятиями на воздухе, где напряженные физические упражнения превращали меня в мокрую тряпку, а мой «наставник», непрерывно наблюдающий за мной, светился лучезарной улыбкой. Ух, как она меня бесила!

Далее шли короткий отдых с перекусом и вновь учебные

занятия, но уже в лаборатории. А в довершение, чуть ли не перед сном, личные уроки с Аурелио – фехтование или бальные танцы, которые тоже перестали быть приятным времяпровождением. Я только и слышала окрики: «Держи спину!», «Где твоя нога?», «Поворот влево, а не вправо!».

Куда делась моя внезапная влюбленность в Вито? Да я его ненавидела! Разве можно любить палача? Отныне все подчинялось тренировке тела и ума. Никаких легкомысленных сонетов: только сложные оды, еще и на иностранном языке. Уж если развивать память, то всесторонне.

А заплывы в лесном озере? Сначала я думала, что брат пригласил меня на пикник. День выдался жаркий, отчего не побултыхаться в приятной водичке? Какое там! Он стянул с меня рубашку (в такой приличные леди приседают на мелководье, сопровождая купание звонким «Ах!») и бросил в одних панталонах в ледяную воду.

– Встретимся на том берегу!

И я поплыла. А что делать? Не бежать же до дороги в мокрых штанах, закрывая голую грудь руками? Вот бы случайные проезжие обрадовались!

Одежду Вито унес с собой и ждал моего прибытия на противоположном берегу, с комфортом устроившись на валуне.

– Гад! Какой же ты гад, Золотце! – мои зубы клацали. К холодной воде я привыкла, но свежий ветер заставил кожу покрыться пупырышками. Аурелио, насмешливо глядя на мои потуги прикрыть несуществующую грудь, протянул полотен-

це. Я, схватив его, повернулась спиной, быстро вытерлась и принялась напяливать верхнюю одежду. Путалась в рукавах и широкой юбке. Ругалась на все лады, когда он и не подумал помочь. И лишь потом обнаружила, что Вито давно вернулся в карету и со скучающим видом ждет, когда я рвану дверь.

Даже подруги перестали приходить ко мне. Я подозревала, и не без оснований, что их отвадил мой замечательный братец. Я уже молилась, чтобы он влюбился и хоть на какое–то время оставил меня в покое. Но выжимая из меня остатки сил, Золотце выматывал и себя. К ночи мы оба валились с ног.

Как же я жаждала прихода занудливой мэсс Тиры! Добрая женщина заняла бы меня вышивкой, плетением, да чем угодно, только бы не чувствовать затылком пристального взгляда брата. Но рукоделие было отменено. Зачем игла, если в моих руках появились кинжал и еще бог знает какое колющее оружие?

И эти все пытки он успел уложить в короткий промежуток, оставшийся до бала! Я выкручивалась как могла, лишь бы уклониться от занятий и присутствия на них Аурелио. Требовала все новой и новой примерки бальных нарядов, была предельно придирчива к каждой строчке и узелку, лишь бы мэсс Валлери вновь посетила мои покои и бескомпромиссно выставила Вито за дверь.

Глава 3

Не сказать, как трудно далось мне новое полнолуние! Оно случилась дней за десять до бала. Меня неудержимо манили свобода и желание выбраться за пределы замка. Бежать, бежать, бежать, подчиняясь лишь запахам и зову огромной луны. Я с нетерпением дождалась, когда стихнут шорохи, домочадцы, наконец, улягутся, а я смогу переодеться в тайно заказанную одежду. Мне сшили бриджи и куртку из тонкой, но заговоренной кожи, которая не порвется, даже если вздумается лезть на крышу или сигать через забор. Мэсс Валлери избавила меня от объяснений, для каких целей юной девушке требуется мужская одежда. Я давно усвоила истину, что деньги надежно запечатывают рты.

Итак, я распахнула окно и осмотрелась. Ветер принес запахи, и я наслаждалась возможностью различать их. Легко взобравшись на дерево, я перепрыгнула на ограду, на которую в иные дни боялась даже смотреть, и трусцой понеслась в выбранном направлении, а именно туда, где меня ждали холмы, трава по пояс и огромная луна. Приятные ароматы исчезли, когда я миновала центральную площадь с ее роскошными особняками и углубилась в улочки торговцев и ремесленников, которые привели меня к жилью, которое едва ли можно было назвать таковым. Я едва не задохнулась от окружившего меня смрада нищеты, испражнений и болезни.

Зажав чувствительный нос, я упустила момент, когда в грязном проулке сделалось многолюдно.

– Кто это у нас бегает по ночам? – дорогу заступил высокий мужчина. Если бы я захотела ударить его головой в лоб (Вито как–то показал и такой прием), здоровяку пришлось бы наклониться.

Цепкие пальцы впились в мое запястье. Рот моментально пересох, а сердце поселилось где–то в горле. Я со всей очевидностью осознала, что животные инстинкты отняли у меня разум и погнали навстречу беде. Я так торопилась поглазеть на огромную луну, что даже не удосужилась взять с собой оружие – растерянное похлопывание по бокам и запоздалое сожаление, отразившееся на моем лице, вызвали смех незнакомца.

– Что, брат, развлечемся? – хриплый голос сзади заставил меня подпрыгнуть от страха. – Тише, тише, кроха…

Твердое тело прижалось к моей спине, а беспокойные руки огладили зад и поднялись к поясу штанов, где как раз и полагалось висеть ножу, ощупали карманы куртки и полезли под нее.

– Если вам нужны деньги, то я дам. Завтра. Встретимся здесь же, – твердым голосом произнесла я, желая не показывать, как мне страшно. Еще мгновение назад я чувствовала себя смелой хищницей, а теперь тряслась, словно заяц.

– Только я приду с папой? – мое заявление вызвало смех у наглеца напротив, стоящий же за спиной рывком вытащил

из–под пояса мою рубашку. Шелковая, она жалобно затрещала. Шершавые руки поползли по голой спине, а потом резко разошлись в стороны, чтобы сомкнуться на груди.

Я взвизгнула. Дыхание мужчины сделалось тяжелым, вторая рука медленно поползла вниз и, нащупав пуговицу на штанах, не стала с ней возиться, а просто вырвала с корнем. Штаны из тончайшей кожи немедленно опустились до колен. Под ними на радость застывшему истукану напротив открылись белые панталоны. Полная луна расстаралась. Осветила и мои наполненные слезами глаза, и пупок, которые поглаживал пальцем паршивец за спиной, и красивое кружево панталон.

– А девка хороша–а–а–а! – протянул первый.

Второй, властно похлопав по моему голому животу, подтвердил.

– И ведь совсем не сопротивляется, – его шепот заставил еще больше трястись. – Жаль, что я не люблю совокупляться на улице.

– А если возьмем с собой?

– Что ты! Она же обещала принести деньги, – его губы в смешке обожгли ухо. – Правда же, милая?

– Да–да! Деньги. Много денег. Завтра. На этом же месте.

Тревожную тишину улицы разрезал свист.

– Уходим! – здоровяк кивнул гаду за спиной. – Королевская стража!

– Еще встретимся, – шепнул тот. – Ты обещала. Милая.

И я осталась совершенно одна. На луну как специально наползло облако, и улицу накрыла кромешная тьма.

– Караул! Грабят! – заверещала какая–то женщина.

«Что?! Опять? Сколько же здесь грабителей?» – я заплакала и села в самую грязь. Оперлась спиной о стену. Ноги просто не держали.

– Вот она, вот! – вновь подала голос жертва грабежа. Я разглядела ее, когда из–за поворота показался отряд стражников с факелом. Их было трое. Вполне достаточно, чтобы прогнать разбойников. Впереди воинов, выделяющихся и ростом, и наличием грозного оружия – на плече одного из них лежал арбалет, семенила и тыкала пальцем в мою сторону неопрятно одетая женщина. Когда она присела рядом со мной, от нее пахнуло бражкой и чесноком. Но я была рада и такой компании.

– Кто такая? Что делаешь в темноте? – капитан кивнул, чтобы ближе поднесли факел, и мне пришлось закрыться ладонью от слепящего света.

– Я… Я… На меня напали. Двое.

– Да–да, их было двое. Я видела! – спасительница погладила меня по голове.

– Разберемся, – произнес тот, что держал арбалет. Под его строгим взглядом нищенка стушевалась и отползла в сторону.

– Ограбление? Что взяли? – голос капитана был груб, впрочем, как и его манеры. Он сомкнул пальцы на моем

предплечье и рывком поднял. Я зашипела от боли и попыталась вырвать руку.

– Ничего. У нее ничего из ценного не было, – вновь подала голос спасительница. – Я затаилась за углом и все слышала.

Заметив болтающиеся на уровне моих колен штаны, капитан сделал определенный вывод:

– Распутница?

– Нет–нет, я не такая, – я помотала головой и, скособочившись, потянулась к расстегнутому поясу штанов. Было невыносимо стыдно.

Страж, что держал факел, посветил вниз, и все увидели кружево моих панталон. Дорогое кружево. Из Извира. Такое не всякой горожанке по карману.

Хватка на моей руке ослабла, и речь капитана сделалась приветливой.

– Так что будем делать, красавица?

Позже моя подруга Шелли объяснила, что вовсе не кружево решило исход допроса, который мог довести до каталажки. Продажные женщины просто не носят панталон. Штанов тем более. Они им ни к чему.

– Мне надо домой. Меня папа ждет. Вы меня не проводите?

Пуговицы на штанах не оказалось, поэтому всю дорогу до особняка Шелли – моей самой близкой подруги, я придерживала их рукой. Сунуться во дворец в столь странном виде, в компании стражи и пьяной нищенки я не рискнула. Прав-

да, моя спасительница вскоре растворилась в темноте, и я поругала себя за то, что не поблагодарила ее.

Остановившись у кованных дверей, я дернула за крюк колокольчика. Стражники топталась за спиной, дожидаясь, когда мне откроют.

– Леди Ле… – начал заспанный дворецкий, но я перебила его.

– Тише, Мадлен, не надо, чтобы папа знал, что я выходила ночью.

– А я бы рассказал. И розгами угостил, чтобы неповадно было, – кинул через плечо уходящий капитан. Стража выполнила свое дело.

Чужой дворецкий церемонно поклонился и отступил в сторону, пропуская меня вперед.

– Мадлен, что там случилось? – из глубин дома донесся голос хозяина. Тучный лорд Вайрих – от зари до зари казначей его величества, а в остальное время счастливый супруг и отец троих взрослых детей, в халате и ночном колпаке спешил по лестнице вниз. Сзади беспокойно зажимала рукой ворот ночной рубашки леди Вайрих.

– Ваша дочь случилась, – громко отрапортовал дворецкий и закрыл дверь.

***

– Собирайся, – в центре просторного холла застыл Аурелио. Единственное произнесенное им слово было подобно выстрелу из арбалета. Мнимый болт, как страх перед гряду-

щей расправой, крепко засел в моем лбу. Я даже почесала то место, до того свербела несуществующая рана.

– Удачи, – прошептала Шелли и постаралась слиться с одной из колонн, поддерживающих свод второго этажа, откуда широким каскадом шла вниз лестница. Я спускалась неторопливо, отсчитывая ступеньку за ступенькой, выверяя каждый шаг, старательно поддерживая пальцами обеих рук одолженное у Шелли платье, чтобы не запнуться о длинный подол и не скатиться к ногам хмурого брата. Его слишком ранний визит не дал нам хоть как–то подогнать юбку под мой рост.

– Ты почему в таком виде? – он позволил себе упрекнуть меня лишь в карете. Оно и понятно: устраивать допрос на людях не в правилах лорда Аурелио. Он прибьет меня без свидетелей.

Я втянула голову в и без того широкий ворот: Шелли была не только выше меня, но и пышнее. Придумать причину переодевания в чужое платье я не успела, поэтому выдала первое что пришло в голову.

– Молоко на себя опрокинула. Отстирают одежду, вернут.

– А почему не ночевала дома?

– Вы же получили записку, что я останусь у подруги? – я недовольно дернула плечом и отвернулась к окну. Главное, не сбиться на торопливую речь. Не хочу, чтобы Вито решил, что мне есть за что оправдываться. Не за что. Сам виноват. Строгой муштрой и отлучением от светской жизни довел ме-

ня до побега. Бедному старику Мадлену пришлось тащиться ночью во дворец, чтобы разбудить моего папочку и огорошить известием, что его дочери нет в кровати.

«Черт, как бы не заколотили окна и не вырубили дикий виноград», – забеспокоилась я. Именно по его плетям я спустилась со второго этажа.

– И ты пошла к Шелли одна? Не слишком ли поздно для визитов? В полночь ты была еще в своей комнате, я точно знаю.

Хотелось спросить «Откуда?», но я закатила глаза. Не стоит сбиваться с намеченной линии, так я еще больше увязну во лжи. А пока она вполне похожа на правду.

– Конечно же меня проводили. Ее братья, – я слышала их голоса, когда перелезала через ограду, поэтому не побоялась приплести Свирга и Готверка к своему алиби. Сделай я десяток шагов в сторону и на самом деле могла бы попросить их об одолжении. Не признаваться же, что я разгуливала в компании пьяной нищенки и трех стражников.

– Насколько я слышал, братья Вайрих не покидали Северное крыло.

«А вот и нет, – хотелось язвительно кинуть мне, – я точно знаю, что они отлучались». Но смолчала, лишь опять нервно передернула плечами.

Плохо дело. В Северном крыле обитает король, а его младший сын водит близкое знакомство о Свиргом и Готверком, они вполне могли просидеть за карточным столом

до утра, а сейчас отсыпаются неизвестно где. А мне бы надо успеть предупредить их, чтобы подпели в унисон. Если заартачатся, придется намекнуть, что я в курсе их подвигов. Не зря же мы с Шелли напрягали слух, когда гуляки делились впечатлениями о совместном непотребстве с женой некоего чиновника. Да, мне всего шестнадцать лет, но я многое знаю о нравах, творящихся во дворце и за его пределами. Измены открытые и тайные, постельные игры увядающих дам с юнцами, и стариков с неопытными девами. Чуть ли не каждый месяц придворное общество сотрясают скандалы, и лишь наша семья пока не давала поводов для сплетен. Отец и Аурелио строго блюдут честь рода Сэкхарт.

«Боже, лишь бы никто не узнал, что я бегала ночью по вонючим улочкам города!»

Штаны и панталоны так и не отстирались от въедливой грязи, хотя горничная подруги большая мастерица в выведении пятен.

Родителям Шелли, взволнованным моим поздним визитом, пришлось рассказать слезливую историю, как меня, бедняжку, замучил злой брат, и я вынуждена была тайно, под покровом темноты, пробираться к подруге, лишь бы увидеться с ней. Пока жива. И я сама попросила стражников проводить меня к особняку. А то что воняет как от шелудивого пса – так это я оступилась, когда кралась, и упала в канаву. Мне пришлось пробираться к особняку окольными путями.

Меня еще пожалели и напоили теплым молоком, а растроганная леди Вайрих даже вызвалась собственноручно составить записку, где указала, что именно она уговорила меня переночевать у них дома.

Кстати, злой брат – хорошее объяснение моего побега для лорда Сэкхарта. Оно близко к правде. Я же жаловалась на Вито, а папа говорил: «Потерпи, он же для тебя старается». Вот и сорвалась. Нельзя ребенка держать в черном теле.

Я мстительно улыбнулась Аурелио, который продолжал изучать мое лицо.

Он, не поняв причины веселья, вопросительно выгнул бровь.

Нет, Вито все–таки хорош! Мой названный брат – красавчик, жаль только, что я слишком юна, чтобы привлекать его внимание, а он слишком увлечен моей дрессировкой, чтобы увидеть во мне женщину.

«Боже, что ты несешь, Лети? – одернула я себя, вполне понимая, что во мне еще живы отголоски часа оборотня. Конечно, пережитый страх от встречи с грабителями несколько заглушил зов природы, но не унял его окончательно. – Потерпи! Тебя попустит через пару дней, и ты вновь сделаешься милой девушкой».

Я тряхнула копной нечесаных волос, и серебристые пряди напомнили, что луна еще в силе.

– Ты чего? – я отбила руку Аурелио, тянущуюся к моей голове.

– Странный цвет, – произнес он, все–таки ухватив одну из прядей. – Ни у кого такого не видел.

– Сходи в лавку Бибурта и у тебя будет похожий.

– Ходил. Говорят, серебро месяц как не завозили. Краску, оказывается, не здесь делают.

Я отвернулась к окну и сунула ноготь большого пальца в рот. Дура. Не удосужилась зайти за новым флаконом, выставила в купальне старый, чтобы домочадцы думали, что я опять баловалась с цветом. Прокол на проколе. Так и до резервации недалеко.

К счастью Вито не вернулся к обсуждению чудесных средств из лавки Бибурта, иначе мне пришлось бы туго. Магия лунной пыли действует от силы неделю, и я бы не нашла объяснения, откуда взялся столь дивный цвет локонов. Впору и правда перекрашиваться любой краской ближе к часу волка, чтобы скрыть приметное серебро волос.

Спускаясь с кареты, я сразу сделала плаксивое лицо. Нас встречал дорогой папочка.

Но случилось нечто, что помешало моим планам выставить Аурелио злобным тираном. Подавая мне руку, он так широко улыбнулся, что я почувствовала подвох, а вскоре поняла причину оскала. Он вложил в мою руку пуговицу. Ту самую, которую один из грабителей оторвал от кожаных штанов.

Я подняла на Вито глаза, но лицо его вновь сделалось непроницаемым. А в моей голове в диком вихре закружи-

лись мысли одна страннее другой.

Вито нашел пуговицу, или ему ее принесли? Но откуда он узнал, что она моя?

Или, может, беседовал со стражей и побывал на месте преступления, где и нашел пуговицу? Но как он догадался, кого следует допрашивать?

Или…

Я порывисто схватила ладонь Аурелио, провела пальцами по ее тыльной стороне, а потом приложила к своему лицу. Шершавая! Такая же шершавая как и у…

– Ты?! – зашипела я.

Вито непонимающе поднял бровь, но в его глазах плясали бесы.

– Ну довольно, девочка. Не стоит так подлизываться к брату. Мы все, конечно, простим тебя.

А я не замечала, что продолжаю прижимать мужскую ладонь к лицу. Откинула ее так, будто она готовилась меня ужалить.

– Папа, – я утонула в его объятиях, – прости меня! Мне стало так грустно, я почти месяц не видела Шелли, вот и побежала к ней. Столько новостей, у меня только три смены платьев для бала, а поделиться не с кем. Вито в нарядах ничего не понимает.

– Ну отчего же? – не преминул вставить брат. – Очень даже понимаю. Разбираюсь даже в панталонах с кружевом из Извира.

– Аурелио! Перестань смущать девочку. Ее сейчас удар хватит, – папа прижался губами к моему пылающему лбу, не понимая из–за чего я вдруг побагровела. – Ты случайно не заболела?

– Нет, все хорошо. Спать только хочется. Мы полночи с Шелли болтали.

– Иди отдыхай, – милостиво позволил отец.

Но брат и здесь встрял:

– Жду тебя через два часа на площадке для стрельбы из арбалета.

– Мне только отбитого плеча перед балом не хватало, – проворчала я, понимая, что не в силах приступить к изучению стрелкового оружия. Хватит того, что от деревянных кинжалов еще не сошли синяки. – Папа, уйми Вито. Такое впечатление, что он готовит из меня наемного убийцу.

Мы шли по лестнице, ведущей в наши покои. Департаментские служаки, поджидающие отца в холле, тактично отводили глаза, но стоило пройти мимо, как в воздухе плыл шелест разговоров. Я спиной чувствовала изучающие взгляды. Все–таки есть минус в том, что личные покои располагаются так близко к месту службы. Никакой приватности.

– Дорогая, мы с Вито условились, что я не буду вмешиваться в процесс обучения.

И здесь полный провал. Я скривила лицо, вспомнив, что придется выйти на стрельбище через два часа. Не удивлюсь, если Аурелио поставит меня вместо мишени и начнет пы-

тать, по какой причине я выбралась ночью в город.

Зажатая в кулаке пуговица обжигала.

Стыдно–то как! Вито ведь с самого начала знал, что я лгу, а я еще умудрилась приплести братьев Вайрих! Ой, а вдруг он догадался, что на меня действует луна, и к вечеру я окажусь в резервации?

Короче, в свои покои я входила в полном смятении.

Глава 4

Я промаялась все два часа. Ни отдохнуть, ни поесть толком не сумела. Страх сковывал мое тело. Находясь в тиши, я в полной мере осознала, в какую непростую ситуацию влипла. На площадку для стрельбы шла в полном упадке душевных сил.

Вито уже ждал, сидя на тюке сена.

– Сразу пристрелишь или дашь оправдаться? – спросила я, косясь на заряженный арбалет, лежащий на его коленях. Болт был направлен в мою сторону. Легкого касания руки было бы достаточно, чтобы тот отправился в полет.

Заметив мой беспокойный взгляд, Аурелио подвинулся, предлагая сесть рядом.

– Давно это происходит с тобой?

Я перестала дышать.

– Что «это»?

– Зов луны.

Я покачала головой. Все кончено. Он знает.

– Почему тебя так долго не было рядом? Ты бы заметил сразу и… и мне не пришлось бы притворяться, – меня прорвало. То, что длительное время держалось за сжатыми зубами, неудержимо выплескивалось наружу. – Эта краска из лавки Бибурта, духи, от которых меня тошнит… Все слишком далеко зашло, Вито. Я уже не контролирую себя. Ви-

дишь, в полночь оборотня не смогла усидеть дома. Луна позвала, и я побежала.

– Ты очень хорошо справляешься, Серебро, – Вито вдруг обнял меня за плечи. Прижался щекой к моей макушке. – Очень хорошо, для того, кто одинок в своей беде.

Я всхлипнула.

– Знаешь, почему люди боятся оборотней?

– Они опасны после оборота? – я вытерла нос рукой.

– Да, особенно после первого. Они не могут справиться с проснувшемся в них зверем. Хищник берет верх. И они слепо подчиняются инстинктам. «Загнать, загрызть, убить», – стучит в их мозгу. Потом, когда час волка пройдет, и натворивший непоправимое придет в себя, он ужаснется. Но будет поздно. Новое полнолуние вновь разбудит в нем зверя. Уже более сильного, попробовавшего вкус крови. И в этот момент очень важно, кто будет находиться рядом. Если такой же кровожадный ублюдок – быть беде. Оборотни сколачиваются в стаю, и остановить их способна только смерть. Человек в них уже никогда не проснется. Если же рядом с новичком окажется умный оборотень, то он научит, как подчинить зверя, как сохранить в себе все то доброе, что было дано от рождения.

– Поэтому папа придумал, чтобы на всех оборотней без разбора надевали браслеты смирения?

– Страж гасит инстинкты убивать. Но его ношение мучительно для оборотней. Резервации созданы вовсе не для то-

го, чтобы загнать всех иных в тюрьму. Как ни странно, но именно там оборотни чувствуют себя свободными. В резервации они могут не носить браслеты.

Вито отложил арбалет, предварительно вынув из него болт. Полез во внутренний карман и извлек на свет металлический браслет.

Я задохнулась от ужаса, узнав Стража.

– Нет! – я спрятала руки за спиной. Я уже видела себя в резервации. Несчастную, стоящую у ворот, которые с лязгом захлопываются за спиной.

– Не бойся, я тебе не враг.

Браслет с громким щелчком закрылся на моем запястье.

Мир сделался серым. Будоражащий запах свежескошенного сена больше не тревожил, смолкли цикады, только что голосившие до боли в ушах. Я уже не слышала плеска далекой реки и перекрикивания на ней сплавщиков леса. Серость поселилась и в душе. Даже Вито не казался мне привлекательным.

Я заплакала.

– Прости, – Аурелио торопливо расстегнул замочек и освободил меня от Стража. – Это только для того, чтобы ты понимала, что удерживает оборотней в резервации.

– Но это же ужасно!

– Не плачь, – Вито обхватил ладонями мое лицо, стер большими пальцами слезы. – Все понимают, что браслеты ужасны, но только они способны примирить людей и оборот-

ней. Слишком мало надежды, что возле молодняка не вьется «учитель», намеренно внушающий им ненависть к людям. Такое невозможно контролировать. Поэтому Страж – единственный выход жить в мире.

– Но это же ужасно! – упрямо повторила я, все еще помня неприятные ощущения.

– Да, ужасно. Но если бы Страж появился раньше, то твоя мама осталась бы жива. Ее не пришлось бы обезвреживать силой.

Я гулко сглотнула.

– Она разве не умерла во время родов?

– Нет.

– Но как же… Папа или Валис? – мои пальцы сжались в кулаки. Ногти до боли впились в кожу.

– Они спасали тебя. Другого выхода тогда не было, – Вито, успокаивая, провел ладонью по моей спине. Его рука обжигала.

– Выход всегда есть! – я дернулась, не желая, чтобы брат ко мне прикасался. Сердце колотилось точно бешенное.

– Нет. Я знаю это твердо. Иного выхода не было

– Откуда? – я соскочила с тюка. – Откуда тебе, тринадцатилетнему мальчишке, было знать, что иначе нельзя? Ты провидец?

– Нет. Я не провидец. Я… хуже. Я пытался ее спасти. Но как бы ни старался, как ни менял исходные события, она все равно умирала.

Он вздохнул и закрыл глаза.

– Судьбу не обмануть, Лети. Зря отец думает, что его Далия, пережив обращение, вернулась бы домой. Нет, не вернулась бы. Мертвые не возвращаются.

Я попятилась не в силах смотреть на Вито. Он открыл глаза, но они не были прежними. Они полыхали расплавленным золотом.

– Аурелио… – прошептала я, понимая, откуда к нему прицепилось такое странное имя. – Ты тоже иной…

– Ты никогда не родилась бы, если бы твой отец не пришел в тот дом в ровно назначенный час, – голос брата был ровным. Чтобы не пугать меня, он прикрыл золото глаз ресницами. – Раз за разом я возвращал прошлое, но оно всегда заканчивалось одинаково. Обезумевшая леди Сэкхарт убивала себя и свое неродившееся дитя.

– Нет!

– Да. Леди Сэкхарт не желала быть оборотнем. И не хотела такой участи своему ребенку. Она ненавидела их. Твоя мама до последнего оставалась преданной мужу и боялась навредить ему. И обществу нечего было предложить ей.

Вито, успокаивая себя, задержал дыхание. Через минуту его глаза вновь сделались зелеными.

– Далия намеренно искала смерть, – тихо произнес он. – И лишь один вариант из бесконечного множества позволял тебе родиться.

– Неправда! Ты не настолько могуществен, чтобы по-

нять, исчерпаны все возможности или нет.

– Наверное, они были. Но вот чем я точно не располагал, так это временем.

– Ха! Временем! Ты мог вернуть прошлое! Сам сказал!

– Но прошлое не остановило бы наступление настоящего. Чем дольше я тянул, тем меньше у тебя оставалось шансов появиться на свет, – Вито, видя мой скептический настрой, устало вздохнул. – Давай так, Лети. Ответь мне, пожалуйста, какой из исходов устроил бы тебя больше? Первый, где лорд Сэкхарт находил жену, но видел, как она убивает себя? Смотрел в ее испуганные глаза и ничего сделать не успевал. Или второй, где их встреча происходила в час волка, но Далия уже не была человеком? Только учти, дорогая, в последнем случае она, перед тем как убить себя, перегрызала горло мужу.

Я зажала рот ладонями, чтобы не закричать.

– И не смей меня упрекать, – Вито поднялся и навис надо мной черной тучей. – Я пережил ад, пока не нашел один единственный вариант, где ты остаешься живой.

– Если так, если ты способен менять прошлое, – меня несло, – то почему бы тебе не выбрать самый простой вариант: не дать оборотням похитить мою маму?

– Ты правильно сказала. Я не настолько могущественен, чтобы менять то, к чему не был причастен. Я слишком поздно узнал, что лорду Сэкхарту требуется помощь. Я мог менять прошлое, начиная с того момента, как впервые увидел

его жену. К этой точке отсчета я и возвращался всякий раз. Туда, где Далия стояла с кинжалом в руках в заброшенном доме Заречья, а рядом с ней лежал труп стражника. Она не хотела его смерти, но ей требовалось оружие.

– Она думала сбежать?

– Нет. От проклятия оборотней не убежишь. Я пообещал леди Сэкхарт, что поступлю, так, как она желает. Она не увидит рассвета. Но пусть позволит родиться тебе. Нормальным здоровым ребенком. Не оборотнем, – Вито вздохнул. – У нас почти получилось.

Я с тоской посмотрела вдаль.

– Мама поверила тебе?

– Да. Мы вместе спрятали труп стражника и избавились от кинжала.

– Отец знает о вашем договоре?

– Нет. Только Валис. Он поклялся, что исполнит ее желание. Лорд Сэкхарт находился в такой панике, что почти не соображал, что делает. Он до сих пор казнит себя. В память о маме он изобрел Стража.

Я опустилась на землю и закрыла лицо ладонями.

Аурелио встал на колени рядом.

– Ты сильная. Ты все выдержишь.

– Ты станешь моим учителем? Моим добрым учителем? – я ткнулась лбом в бедро брата.

– Я уже твой учитель, – он погладил меня по голове. – Ты разве не заметила?

– Вито, что со мной будет дальше?

– Скоро твой первый бал, Серебро, – я не видела, но чувствовала, что Аурелио улыбается.

– А потом? Ты не сдашь меня в резервацию?

– Чтобы оттуда разбежались все волки?

– Мы скажем папе, что… ну… Что он тогда не успел?

– И все эти годы воспитывал у себя щенка?

– Недоделанного щенка, – я показала Вито свои почерневшие, сделавшиеся длинными ногти. Я испугалась, что обернусь прямо во время нашего непростого разговора. От злости, от страха, от отчаяния. Но, как оказалось, когти – это все, на что я способна.

– Придется в лавке Бибурта покупать еще и лак для ногтей.

– Вито!

– Теперь ты можешь не пользоваться вилкой, – продолжил глумиться он. – Смотри, какие острые.

Он с улыбкой погладил ногтевую пластинку на моем указательном пальце.

– Не увиливай от ответа, – я отняла руку. – Мы откроемся папе? О тебе, обо мне?

– Прямо сердце зашлось. На минуту подумал, что мы собираемся просить у него благословения.

– А ты был бы против?

– Конечно. Какая из тебя жена?

Я скуксилась.

– А если без шуток?

– А если без шуток, то о моем даре папа узнал сразу же, как только решил меня усыновить, – ушел в сторону от щекотливой темы Аурелио. – Не стоит скрывать то, что рано или поздно вылезет. Теперь я работаю на короля. Очень важно знать все варианты исхода того или иного решения.

– А о моем даре расскажем?

– О даре отращивать ногти, пачкать всех вокруг серебристой пылью и стрелять подведенными глазками?

– Я не специально. Оно само получается.

– И пахнешь ты замечательно, – Вито, наклонившись, понюхал мою макушку. – Я сразу заметил. Несмотря на твои ужасные духи.

– Ты почувствовал ко мне влечение? Как к женщине?

Я затаила дыхание, ожидая ответа. Я упорная. И не люблю, когда мужчина виляет.

– Женщина, тебе надо подрасти, – мой мужчина легко поднялся и протянул мне руку.

– Вито, скажи честно, ты подождешь меня? Вдруг я сделаюсь невероятной красавицей?

Я нарывалась на комплимент.

– Для начала расскажем отцу, что его дочь оборотень.

Я зашипела.

– Недоделанный оборотень, – поправился Вито и, развернув меня, легким пинком под зад отправил на позицию перед мишенью. Сам потянулся за арбалетом. Тайны тайнами,

а об учении забывать не следует.

***

– Я ждал, когда Лети откроется, – папа повернул документ обратной стороной, но я успела заметить тревожный донос. На холмах обнаружен труп девушки. Судя по всему, растерзана зверем.

– Как? – я не удержала возгласа. – Я таилась, обливалась духами и все напрасно?

– Милая, – папа поднялся из–за стола, – мы с Вито профессионалы.

– Так почему ты отдал меня в руки Золотца? Чтобы вышибить из меня всю звериную дурь?

– Судя по тому, что ночью ты все–таки сбежала, Аурелио мало преуспел.

– Ты и об этом знаешь?!

Папа махнул рукой.

– Все, идите. У меня полно дел.

– А как же резервация? – я не унималась. Столько страдала, пряталась, а он отмахивается от меня, как от мухи. Я оборотень или кто?

– Будет чем тебя приструнить. Как только переступишь черту, сразу же окажешься там. Совсем распоясалась, – лорд Сэкхарт вновь вернулся к государственным делам. Донос о нападении дрожал в его пальцах. Папа знал, куда я бежала ночью, а потому легко представил, чей труп могли обнаружить утром.

– В городе появился оборотень без сдерживающего браслета? Ты знал? – мы с Вито шагали по гулким коридорам Департамента. Клерки, завидев нас, прятались по кабинетам. Сына шефа Департамента боялись больше, чем лорда Сэкхарта.

– Да.

– Поэтому устроил за мной слежку? Стража и пьяная тетка – все это тоже твоя работа?

– Не обижай Хрою. Она наш лучший тайный агент.

– Фу, нетрезвый информатор, – фыркнула я, помня, как густо несло бражкой от нищенки. – Хороша помощница.

Вито остановился.

– Не смей неуважительно отзываться о тех, кто живет на улице. Помни, что я один из них. И согласись, лучше Хроя с Гонго, чем дикий оборотень.

– Гонго? Кто такой Гонго? Еще один бродяга?

Вито распахнул дверь кабинет и пропустил меня вперед. За столом, заваленном бумагами, сидел здоровяк в очках.

– Познакомься, Гонго Инвар. Мой друг. Инвар, это моя сестра. Ну, с ней ты уже имел удовольствие видеться.

Гонго снял очки и медленно поднялся. Теперь я его узнала и с трепетом вложила руку в протянутую ладонь.

– Красивые кружева, – произнес он, целуя костяшки моих пальцев.

Я покрылась краской смущения. Под платьем у меня вновь были надеты панталоны, сшитые в Извире. Я купила

целую дюжину. Но Гонго о них знать не мог. Значит, это намек на те, которыми я светила в грязном переулке.

– Еще слово и вы неделю не сможете улыбаться, – я показала ему свои когти. В лавке Бибурта мне подобрали отличный лак. Правда, туда пришлось отправиться в перчатках.

Гонго сдаваясь, задрал обе руки вверх.

– Я бы за нее больше не переживал, – произнес он, глядя на Вито.

Но Аурелио переживал. Тренировки возобновились.

– Вито, скажи, зачем ты мучаешь меня? – я лежала в зале для фехтования, уткнувшись лицом в пол и зажимая рукой бок, где назавтра обнаружится новый синяк.

– Я не всегда буду рядом. Ты должна уметь постоять за себя.

Очень жаль, мне хотелось, чтобы он был рядом вечно.

– Вито, а откуда у тебя такие способности? Ну, менять прошлое. А будущее, его ты тоже видишь?

– Нет, не вижу. Я сам не знаю, откуда что берется. Не забывай, я вырос на улице, поэтому ничего о себе не знаю.

– А вдруг ты похищенный принц?

– И поэтому меня подбросили нищенке Хрое?

– Так это я познакомилась с твоей мамой? Вот это да! А почему ты ее не возьмешь к нам?

– Она не хочет. Немногие покидают улицу. Свобода подворотен затягивает. И иной жизни уже не видишь.

В заботах по выведению синяков и приобретению новых

прошла последняя неделя перед балом. В день торжества я наотрез отказалась выходить на пробежку.

– Серебро, не забывай, главное – система, – бубнил под дверью Аурелио.

Я же занималась рассматриванием своих ногтей, которые со спадом действия луны вновь сделались обыкновенными. Все–таки есть особая прелесть в моей второй недо–ипостаси.

– Один день поленишься, завтра найдется еще какая–нибудь причина, и все пойдет насмарку, – не унимался Вито.

– Я восполню пробел ночными танцами, – отозвалась я, с удовольствием потягиваясь. Я и не подумала выбираться из кровати. Во всем теле чувствовалась приятная истома. – Не хочу предстать перед мэсс Валлери взмыленной лошадью. Она лично явится одеть меня.

– До бала еще добрых двенадцать часов.

– Вито, какой же ты занудный. Не пойду и не буду. У меня в планах сегодня только приятное. Я собираюсь принять освежающую ванну, не торопясь съесть вкусный завтрак…

– Хорошо, договорились.

Я насторожилась. Не может быть такого, чтобы Аурелио так скоро отстал от меня. Иногда я специально препиралась с ним, чтобы довести до белого каления. Ну нравилось мне слышать его голос, видеть, как он пытается удержать лицо, и как загорается, стоит переступить опасную черту.

– Что значит, «хорошо, договорились»? – я приподнялась и прислушалась к шагам за дверью.

– А вот что! – с треском распахнулись створки окна, и с подоконника спрыгнул Вито.

Вот же ж!

Сначала я цеплялась за спинку кровати, потом за столб балдахина, но Аурелио пер вперед, не обращая внимания на мои вопли и потуги схватиться за любую мебель, попавшуюся на его неотвратимом пути. За нами шлейфом волочилось мое покрывало. Самое унизительное, он нес меня подмышкой так же легко, как придворные дамы носят на прогулках своих звонко тявкающих собачек. Сравнение оказалось до того реалистичным, что я закрыла рот и перестала выдираться. Повисла в его руках вареной макарониной. Напрасно. Вито быстро привел меня в чувство.

Я не подозревала, что его покои обустроены гораздо лучше моих. Как–то не доводилось сунуть сюда нос. Вместо ванны в его купальне был оборудован глубокий и просторный бассейн. В него я и полетела. Ледяная вода обожгла. От неожиданности я как следует нахлебалась.

– Ты что, с ума сошел?! – откашлявшись, я выпуталась, наконец, из намокшего и отяжелевшего покрывала и попыталась выбраться на высокий борт.

– Пятьдесят кругов, – Аурелио столкнул меня назад.

Поймав край покрывала, он потянул его из воды, чтобы его ученице ничто не мешало нарезать круги, но я вцепилась в ткань мертвой хваткой. Пусть тащит вместе со мной.

– Шестьдесят кругов.

Я, сжав клацающие зубы, помотала головой.

– Семьдесят.

– Нет!

– Сто.

Я сдалась. Позволила очистить бассейн от покрывала и поплыла. В ночной рубашке, которая красиво развивалась за мной русалочьим хвостом.

– Мне неудобно, – пожаловалась я, специально крутанувшись так, чтобы белый батист спеленал мне ноги.

– Как–нибудь справишься. Осталось девяносто девять кругов.

– Как скажешь, брат. Как–нибудь справлюсь.

С милой улыбкой, стараясь быть как можно грациознее, я стащила с себя рубашку и бросила ее под ноги Аурелио, окончательно замочив его элегантные туфли.

– Где твои панталоны? – Вито никак не мог свести брови к переносице.

– Кружева колют. Спать мешают, – произнесла я, заходя на девяносто восьмой круг.

– Нахалка.

– Что тут у вас происходит?

На пороге купальни появился мой любимый папа. Его брови взлетели вверх.

– Пап, теперь Аурелио обязан на мне жениться, да?

Где скромность и где я. Что взять с оборотня? Они так вообще во второй ипостаси белья не знают.

Вито выругался и покинул поле боя.

Глава 5

Больше в этот день я Вито не видела. Я сказала «день», поскольку бал начинался поздно вечером, и Аурелио ожидаемо застыл в холле Департамента, чтобы сопроводить меня на праздник.

Я шла по лестнице, затаив дыхание. Гордо несла голову, на которой мастерицы из салона мэсс Валлери соорудили сложную башню, светила искусно поднятой над декольте грудью и подметала длинным шлейфом платья ступени. Легкого, нежно голубого, украшенного серебристой, под цвет волос, вышивкой.

Я медленно подняла длинные иссиня–черные ресницы, чтобы с затаенным интересом увидеть, как у Вито упадет челюсть.

Вопреки ожиданиям, она оказалась крепко сжатой. Желваки портили гладь выбритого лица.

– Что? – спросила я, подойдя ближе и задрав голову.

На вершине лестницы ахнули мастерицы модного салона, когда Аурелио быстрым движением разрушил их многочасовой труд. Шпильки полетели на пол, волосы волной упали за спину. Вито засунул в них пальцы и разворошил локоны. Потом его руки переместились к декольте. Я не успела оглянуться, как подушечки, набитые рисом и подложенные под грудь для пышности последней, присоседились к шпилькам.

Дернув за ворот платья, Аурелио превратил смелый вырез в монашеский.

– Шлейф не отдам! – я вцепилась в подол, задыхаясь от творимой со мной несправедливости. За шкирку, как погрызшего хозяйские туфли щенка, меня поволокли в туалетную комнату Департамента. Благо, час был поздний и свидетелями моего унижения служащие не сделались.

Шипела пущенная мощной струей вода, я захлебывалась, но Вито неумолимо смывал краску с моего лица. Когда мы вновь появились в холле, след мэсс Валлери простыл. Я шмыгала носом. И прокручивала в голове варианты мести.

Только попав в бальную залу, поняла, насколько Вито оказался прозорлив. Если бы я осталась в прежнем виде, то выглядела бы как размалеванная кукла, похожая на ту, что вошла следом за нами. Я вздрогнула, когда поймала на себе тяжелый взгляд из–под густо накрашенных ресниц. Как же, оказывается, нелепо смотрится на нежном девичьем теле неуместное декольте! Я уже не говорю о сковывающей движение громоздкой прическе. Вся истина видится на расстоянии.

Шелли, пыхтя в чересчур тесном платье, злобно обмахивалась веером. Рядом с ней застыли со скучающим видом старшие братья. Их троицу я выхватила взглядом еще во время нашего представления церемониймейстером.

– Лорд Аурелио со своей спутницей Летисией Сэкхарт, – громко объявил он.

Я физически ощутила волну интереса к нашей паре. Занятая собственными переживаниями, лишь сейчас заметила, насколько великолепен идущий рядом Вито. Для этого ему не потребовались ни расшитые шелком одежды, ни лента через плечо с навешанными на нее подвесками и звездами, ни пуговицы с вправленными в них драгоценными камнями. Строгий, но безупречно сидящий камзол, белизна галстука, мягкий шик дорогой обуви. Из украшений золотые запонки и перстень, с которым он никогда не расставался. Вьющиеся крупными локонами волосы – зависть любой женщины, красиво лежали на обтянутых тканью плечах. Открытый лоб, прямой взор, притягательный свет зеленых глаз.

– Лети, дыши, – он был серьезен. Ни капли сарказма.

Я сжала губы и отвела взгляд.

Мы пересекли зал и остановились недалеко от пустующего трона. Шелли неслась на всех парусах к нам. Розовое платье и розовые же цветы в прическе делали подругу–пышечку похожей на клумбу. Получившие строгий наказ следить за младшей сестрой братья Вайрих плелись следом.

– Так и знала, что ты сделаешь все по своему, – прошипела она, прикрывая рот веером.

– Не поняла?

– Оглянись вокруг. Ничего не замечаешь?

Я нахмурилась. Все смотрели на нас. Большинство с неприязнью.

– Они сердятся? Но за что?

– Мэсс Валлери раструбила на всю Индору, что ей выпала честь собирать тебя к балу. Она прилично заработала на этом.

– Честно сказать, я не знаю, во сколько обошлись мои наряды. Рассчитывался папа.

– Стоимость сшитых для тебя платьев ничто по сравнению с тем, сколько она поимела с твоих подражателей. Подручные мэсс за большие деньги открывали секрет дебютного выхода Летисии Сэкхарт.

– Черт. Не знала, что я настолько популярна.

Я с удивлением отметила, что большинство девушек имели платья со шлейфами, порой до невозможности длинными, бесстыдные декольте и пирамиды из волос, увитых цветами и жемчужинами. Выбеленная кожа, густые румяна и чернота ресниц делали дебютанток похожими друг на друга. При, казалось бы, чрезмерной яркости красок все они выглядели безликими.

– Шелли, ты тоже платила? Я могла бы тебе по дружески сказать, что ничего такого не будет, – я осуждающе покачала головой. За моей спиной неприлично громко хмыкнул Вито.

– Тебя попробуй найди, – Шелли активно махала веером. Цветы в ее прическе, словно живые, шевелили лепестками. Через толстый слой пудры на носу подруги проступали бисеринки испарины. – То на стрельбище, то закопалась в учебниках, то уже спишь. Кстати, тебе досталось за ночной побег?

– Еще как, – я обернулась на Аурелио. На его лице блуждала улыбка. Проследив за его взглядом, я закусила губу. С той стороны зала на Вито смотрела Ханна Бушер. Первая красавица из тех, кому пора замуж, но они никак не могут определиться, кого из поклонников выбрать. Больно заныло сердце. Я почувствовала, что теряю Вито.

Монарх в сопровождении сыновей и свиты появился под национальный гимн. Нас, дебютанток, выстроили в ряд в центре залы. По традиции под звуки «Славься, Тамбер» все, в том числе и король, прижали ладонь к сердцу. Но вот отгремели последние аккорды, и Генрик Третий – красивый, но слегка полноватый мужчина, тут же расслабил лицо. Осмотрев наш строй и оценив сияние молодости, широко улыбнулся. Мы, трепеща, присели в глубоком поклоне. Шелли качнуло, и мне пришлось схватить ее за плечо, чтобы она не завалилась на бок.

– Чертова башня, – прошипела подруга, руками поправляя прическу. – Тут чужих волос больше, чем своих.

– Я рад приветствовать юное поколение Тамбера, – начал торжественную речь король. Сначала я слушала внимательно, но потом, когда он перешел на перечисление тех славных деяний, которые родина ожидает от молодой поросли, отвлеклась. Я вновь поймала, как переглядываются Вито и Ханна Бушер. Горячая волна поднялась откуда–то с низа живота и со скоростью потерявшей управление телеги врезалась в мой мозг. Я уже и на минуту не сомневалась, что они

любовники! Уж не у нее ли он провел каникулы, прежде, чем появиться дома?

Я вдруг со всей очевидностью поняла, что у Аурелио есть своя жизнь. Взрослая жизнь, в которой малолетке Лети нет места. Она всего лишь сестра, которую следовало приструнить и научить владеть собой.

Плохой учитель Вито. Плохой. Я не владела собой. Я уже забыла где и для чего нахожусь. Хотелось бежать. Я бы и побежала, но еще не определилась, в какую сторону: рвать Ханне патлы или прочь из зала, чтобы залить слезами подушку.

– Лет–т–т–ти! – громкий шепот Шелли заставил вернуться к реальности. Передо мной стоял король и протягивал руку в приглашении на танец.

– Что–то случилось? – тихо спросил он, выводя меня в круг. Люди расступились, давая нам пространство для маневра. – Отчего вы так бледны?

– Великая честь открывать бал с Вашим Величеством. Боюсь быть неловкой, – я потупила взор, чтобы он не заметил готовые сорваться слезы.

Король на удивление легко вел. Больше не пытался говорить, лишь улыбался и иногда начинал подпевать музыкантам. Я расслабилась и начала наслаждаться танцем. В круг входили все новые и новые пары. Что–то хлопнуло над головами. Некоторые особо впечатлительные девицы вскрикнули, но тут же рассмеялись. На танцующих сыпались розовые лепестки.

– Красиво? – спросил король.

Я, задрав голову, кивнула. Лепестков было так много, что казалось, идет розовый снег.

Музыка стихла, и Его Величество повел меня в сторону трона. Я ожидала, что меня вручат Аурелио, но того не оказалось на месте. Я и Шелли очутились в компании ее братьев и младшего сына короля. Харрит осклабился в приветственной улыбке.

– О чем ты говорила с королем? – пока наши кавалеры отправились за прохладительными напитками, Шелли оттеснила меня в сторону колонны. Я не была против. Из–за нее мне проще было наблюдать за залом. Заметив весело щебечущую с подругами Ханну Бушер, я немного поуспокоилась. Мало ли куда вышел Вито? Его задача – сопроводить меня на бал и вовремя вернуть домой. Никто не говорил, что мы должны весь вечер проводить вместе. Хотя мне очень хотелось.

– О чести, выпавшей на мою долю, и о цветах. А что?

– А то, что приглашение Его Величества значит гораздо больше, чем ты думаешь.

– Я о короле вообще не думаю. Не забывай, мой папа близок к трону, поэтому нисколько не удивительно, что Генрик решил открыть бал с моей персоной.

– Мой папа тоже близок к престолу. Еще неизвестно, кто важнее для королевства, казначейство или департамент по иным делам, однако меня никто не пригласил.

Шелли обиженно поджала губы.

– Совсем? – я догадалась о причине вспышки сварливости.

– Мне пришлось ущипнуть Готвера, чтобы он догадался вывести меня в круг.

Я обернулась на смеющихся братьев и поймала взгляд принца на себе.

– И что по твоему значит приглашение короля?

– Помнишь, кто названа невестой его среднего сына? – оживилась Шелли. Сплетни – это то, о чем мы любим говорить в любое время суток. Хорошая новость способна повысить настроение.

Я равнодушно пожала плечами. Мне не очень нравилась избранница Рурка. Гусыня. Как и все девицы рода Файдир. Надменные, носатые, шипящие. И следить за судьбой новоявленной принцессы я не собиралась.

– Три года назад именно ее выбрал король для первого танца дебютанток.

– А последующие два года кого он выбирал? – я поняла, куда клонит Шелли.

– В позапрошлом году он отсутствовал, и бал открывал наследник. Его танец не в счет. Не он решает судьбу своих братьев и кузенов. А вот дебютантка прошлого года, станцевавшая с королем, вышла замуж за сына герцога Мэдора.

– Племянника короля, – я качнула головой. Все при дворе знали, что свадьбу справили, не дождавшись совершенноле-

тия невесты. Сегодня ее не было на балу по причине глубокой беременности. – И поэтому ты думаешь, что меня прочат принцу Харриту?

– А кому еще? В королевской семье больше нет свободных совершеннолетних мужчин. Второй племянник слишком мал для брачных отношений.

Я помнила, что малышу Эдрину всего десять. Наш король, в отличие от своего сводного брата, герцога Мэдора, отличался величайшей плодовитостью. Правда, с уклоном в женский род. На трех принцев приходилось восемь принцесс. Дочери, как правило, выдавались замуж за границу. Укрепление отношений и все такое. Но принцам Генрик Третий почему–то подбирал только местных девиц. Видимо, не хотел влияния иностранщины при своем дворе.

Я вновь повернулась к столам, вытянувшимся по обе стороны от входа. Ледяные фигуры в человеческий рост возвышались над чашами с напитками, фруктами и сладостями. Хоть братья Вайрих уже держали в руках фужеры для меня и Шелли, вернуться не спешили. Заигрывали с кокетничающими девицами. Те прыскали от смеха и прикрывались трепещущими веерами. Принц Харрит не участвовал в веселье. Попивал вино и время от времени бросал взгляды в нашу сторону.

Я же беспокоилась, что потеряла из виду Ханну Бушер. Вот только что она стояла среди подруг, выделяясь врожденной красотой и элегантностью, а тут словно сквозь землю

провалилась. Я даже поднялась на цыпочки, но никак не могла найти красные перья, украшавшие прическу Ханны. Она и тут выделилась. Я была так занята съедавшей меня ревностью, что поддерживала разговор с Шелли, практически не вдумываясь в слова и не придавая значения ее пророчеству.

Король покинул веселье не прощаясь. Музыканты, видимо, только этого и ждали. Грянула громкая музыка, и пары потянулись к центру залы. Розовые лепестки, что безжалостно топтались полчаса назад, уже убрали. Сохранился лишь их нежный аромат.

– Мы умрем от жажды, если сами о себе не позаботимся, – Шелли с треском захлопнула веер. – Мои братья и не думают торопиться.

Она решительно направилась к столам, потянув меня следом. Я понимала, что ее туда гонит. Подруга боялась, что ее опять не пригласят. Добрая, смешливая, при дворе она не считалась красавицей. Полноватая, курносая, с вечно пылающим румянцем и пухлыми влажными губами, она снискала в обществе осторожное определение «милая девушка», что несказанно ее оскорбляло.

«Что значит, милая? – кипятилась она. – Я понимаю, милый ребенок, милая собачка, но милая девушка? Это о чем?»

«Это о ком, – говорила я, пытаясь ее утешить. – Когда ты улыбаешься, у тебя на щеках появляются милые ямочки. Когда ты говоришь глупости, они тоже очень милые».

Я не дошла до столов. Меня перехватил Вито.

– Я думала, ты уже целуешься с Ханной Бушер.

Я была готова вырвать свой язык за несдержанность, но остановить себя не могла. Плохой Вито учитель. Очень плохой. Пороть меня надо, а не тыкать деревянной шпагой в бок.

– С чего ты взяла? – его глаза сделались холодными.

– От тебя пахнет ее духами.

Врать надо уметь. Час волка прошел, поэтому за мужским парфюмом я не могла угадать постороннего запаха, да и к Ханне я не приближалась. Однако у меня получилось. Аурелио сбился с шага.

– Это не твое дело.

– И давно вы в любовниках?

– Если ты не замолчишь, я выведу тебя из зала.

– А, так вы встречаетесь тайно!

Вито остановился. Если бы он не опомнился, что окружающие замечают наш нервный разговор, на моем предплечье к завтрашнему дню расцвел бы огромный синяк.

– Разрешите пригласить вашу даму?

Я ненавидела Вито. Аурелио с легкость отдал меня в руки младшего принца. Он даже был ему благодарен!

– Позаботьтесь о моей сестре, – произнес он, прочитав по моим губам брошенное оскорбление «Трус!».

Развернувшись на каблуках, Вито удалился. Вито ушел! Я готова была бежать следом, чтобы закончить разговор, но послушной овцой поплелась за Харритом. Нельзя устраивать прилюдные скандалы.

– Вы поссорились? – принц притянул меня к себе за талию. Ждал, чтобы попасть в такт и начать выводить па.

– Я не хотела с ним танцевать, – буркнула я, отводя глаза в сторону. Надо же было объяснить, почему Аурели волок меня за руку.

– Редко какие братья хотят танцевать с сестрами, – Харрит кивнул на Шелли, танцующую со Свиргом. У того было лицо обреченного на смерть человека.

– А почему бы вам не пригласить Шелли?

– Она милая девушка, но я решил прийти на помощь лорду Аурелио.

Я задохнулась от несправедливости.

– Мужское единство, – мягко рассмеялся Харрит.

Если бы не моя влюбленность в Вито, я бы с самого начала бала отметила, насколько привлекателен младший сын короля. Я видела его и не раз. Дворец только кажется большим. Правда, прежде мне не приходилось так тесно общаться с Харритом, поэтому сейчас я украдкой рассматривала принца и, словно в отместку Вито, подмечала его яркие черты. Густые волосы того чудесного оттенка меди, что на солнце кажутся почти рыжими. Непослушный завиток на высоком лбу – о таком моя деревенская нянька говорила «корова зализала». Глубоко посаженные, но большие глаза, в которых прячется добрая ирония. Нос правильной формы. Мягкий рисунок губ. Легкая небритость – эта небрежность придавала принцу особое очарование.

Пусть Харрит не такого высокого роста, как Аурелио, но гибкий и подтянутый. Под моей ладонью чувствовались крепкие мускулы. И такое же, как у Аурелио, пренебрежение к драгоценностям. Лишь родовое кольцо Плагертов на среднем пальце. Вито тоже носил перстень, но на указательном. Я помню, в детстве он не разрешал до него даже дотрагиваться. Тогда перстень висел на цепочке на шее Аурелио. Лишь когда он сделался взрослым, кольцо заняло место на его руке.

Черт, я опять сбилась на мысли о Вито.

– Может, выйдем на веранду? – Харрит поклонился мне, что означало конец танца, и я быстро изобразила ответное приседание. Все–таки хорошо, что Аурелио вымуштровал меня. Я ни разу не сбилась, хотя почти не слышала музыку.

– Да, – я кивнула. – Еще попить бы. Братья Вайрихи так и не принесли нам воды.

Харрит вновь мягко рассмеялся. Выведя меня на слабо освещенную и безлюдную веранду, посадил на скамью.

– Я принесу. Никуда не уходи.

– Ну, я же тебе говорила о планах короля, – из тени за дверью украдкой выглянула Шелли. – У Его Высочества к тебе явный интерес.

– Что ты здесь делаешь? И почему одна?

– Прячусь. Видишь вон того толстяка? Это барон Гаумб.

Я чуть привстала, чтобы разглядеть крупного мужчину, промокающего платком лоб. Он беспокойно шарил глазами

по залу.

– Братья, сволочи, нашли мне партнера по танцам. Сплавили дружку по картам. Вот, говорят, тебе хорошая партия на весь вечер.

– Ну, вроде, он не так плох, чтобы прятаться от него. И вовсе не толстяк. Крепкий, да, но без дряблого живота и второго подбородка.

– Он, может быть, мне и понравился бы, но я для него не девушка, а отработка долга. Это как–то неприятно.

– Что за долг?

– Обхаживая меня, Гаумб отрабатывает карточный долг, – Шелли недовольно щелкнула языком. – Поясняю для непонятливых: он действует по принуждению. Ты бы захотела с таким танцевать?

– Я, кажется, только что это делала. Харрит выручал Вито. Я устроила брату скандал, и он сбежал, сплавив меня принцу.

– Несчастные мы с тобой. Никому не нужные.

– Как знал, что Шелли к нам присоединится, – принц появился неожиданно быстро. Принес сразу два бокала. Моя подруга смело шагнула из тени и с радостью приняла фужер.

Втроем мы просидели на скамье до рассвета. Слушали трели утренних птиц.

А потом нас, сонных, Харрит развез по домам. Сначала Шелли, потом меня. Моя голова покоилась на его плече. Он улыбался, когда карета остановилась у Департамента. Я по-

дарила ему дружеский поцелуй в щеку.

Милый, милый принц.

Глава 6

Утром я силком заставила себя встать. Могла бы остаться в постели, потому что никто не осудил бы человека, вернувшегося домой на рассвете, но мне крайне важно было увидеться с Вито. Мы вчера плохо расстались, и я собиралась просить у него прощения. Пока умывалась, я тщательно продумывала речь.

«Дорогой Аурелио! Я вела себя как законченная эгоистка. Ты имеешь полное право любить кого угодно. Ты не моя собственность».

Да, я извинюсь перед Вито, но это будет тактический ход. Никогда и ни за что я не приму поражения.

«Умная женщина всегда добьется своего, – говорила я себе. – Ни мытьем, так катаньем. До моего совершеннолетия целых два года – это масса времени, чтобы отвадить от Аурелио всяких красноперок».

У меня были грандиозные планы.

Но все они рухнули. На пробежку со мной вместо Вито вышел Гонго.

– А где мой брат?

– Его не будет.

– М–м–м, секретное задание, – я сделал вид, что меня совсем не задела внезапная отлучка Аурелио. «Я тут нужней». Ага. Врун. Хотел заняться моим воспитанием, а как понял,

что перед ним крепкий орешек, так сразу сбежал. Слабак.

Одно хорошо, теперь я могла забыть про суровые тренировки.

М–да. Зря я тешила себя, что в обмен на финт Вито получу свободу. Как выяснилось, Гонго – преданный друг. Такой не подведет, если его попросят о подмене. И отличный учитель. С твердыми моральными принципами. И железной хваткой. Здоровяка Инвара на слабо не возьмешь.

Рядом с ним мне было стыдно вспоминать, как я чудила с Вито. Гонго за волосы вытащил бы меня из бассейна, если бы я вдруг вздумала плавать нагишом. И, не дав одеться, погнал бы по центральной улице, чтобы впредь неповадно было издеваться над взрослым человеком. Как же сильно, оказывается, послаблял мне Аурелио!

– Тебе кто платит за мое истязание? Отец или Вито?

– Я умный. Беру с обоих, – Гонго увернулся, не дав себя задеть деревянным кинжалом.

– Чувствуется. Я до встречи с тобой не понимала, что такое рабство. Думала, гремлю кандалами с Вито.

– Теперь видишь разницу?

– С тобой сдохнуть можно. Совсем загонял.

– Я честно отрабатываю деньги, – выпад вперед заставил меня отпрыгнуть. Но подсечка не позволила удержаться на ногах. Я повалилась на спину. Тупой клинок тут же прижался к моему горлу. – Ты убита.

Вито не вернулся ни через месяц, ни через год. Мне каза-

лось, что он исчез из моей жизни навсегда.

Поначалу я не находила себе места. Злость переросла в беспокойство, а беспокойство в высшую степень уязвленности. Меня бросили, даже не захотев объясниться. Гонго молчал, в Департаменте делали удивленные глаза. Иногда издевались. «Вито Аурелио? Кто такой? Нет, не знаем».

Лорд Сэкхарт хмурился и притворялся, что сильно занят. Серьезного разговора не получалось.

– В чем дело, Лети? Работа есть работа. Почему тебя раньше не удивляло исчезновение Аурелио?

Да потому, что раньше у меня не было к нему чувств.

В желании узнать, куда делся Вито, я пошла на преступление. Украла ключи и переворошила все документы в отцовском кабинете. Кроме того, что в пригороде продолжала орудовать банда незарегистрированных оборотней, ничего нового я не нашла. Я даже опустилась до того, что устроила слежку за Ханной Бушер, всякий раз надумывая причину смены ее настроения. Ханна улыбается? Значит, ночью ее навещал Вито, и она счастлива. Грустит? Неужели поссорились? Наверное, никто, даже она сама, так не жаждали ее свадьбы с каким–нибудь из ухажеров, как я. Вокруг нее их крутилась тьма. Вот и пускай выбирает, а Аурелио мой.

«Что я делаю?» – я билась головой о стол, призывая себя вернуться к прежней жизни.

Да, первая любовь редко бывает счастливой. Моя оставила широкую борозду в душе. И пока она кровоточила, я не

находила себе места.

Но однажды, когда боль перестала быть острой, а надежды на то, что Вито скоро вернется, иссякли, я очнулась.

«Я человек. И не позволю зверю, сидящему во мне, взять надо мной верх».

Я была уверена, что в Аурелио влюбилась именно моя волчица, иначе я не вела бы себя так дико.

Стать новой, сильной и независимой помогли уроки, преподанные мне братом и его другом. Да и взросление внесло свою лепту в формирование стоического характера. К восемнадцати годам я больше не поддавалась ни всплескам отчаяния, ни зову луны.

***

– Вот скажи, как у тебя получается? Едим мы одинаково, но я расползаюсь, как сдобное тесто в тепле, а ты все такая же тонкая, – Шелли облизала пальцы, испачканные кремом. Мы сидели в знаменитой кондитерской «Торты мэсс Тутси» за столиком у окна. Перед нами стояла трехэтажная тарелка с пирожными, и мы разделывались с нижним ярусом. Все самое вкусное ждало впереди.

– Приходи каждое утро в шесть, увидишь, – я отпила из чашечки новомодный горький напиток.

– Фи, в шесть я еще сплю, – подруга поморщилась, пригубив кафу. Мучилась, но пила, боясь, что ее сочтут недостаточно утонченной. В полдень кондитерская полнилась посетительницами, которые тоже потягивали привезенный из

Абратии напиток. Добавить в него сахар и молоко могли только отважившиеся получить звание «деревенщин». Истинные леди должны мучиться, но пить кафу в первозданном виде. Ну или закусывать пирожными, как мы с Шелли.

– Вот то–то и оно. Любишь ты себя сильно.

– Больше любить некому, – вздохнула Шелли, высматривая следующую жертву неуемного аппетита. Заварное пирожное ладно легло в руку. Откусив, подруга закатила глаза от удовольствия. Ложкой она категорически не пользовалась. «И так крохотные, на два укуса, зачем ложка?»

Я с тоской посмотрела в окно. Отголоски первой любви еще жили во мне. Тем более, что полночь оборотня, когда до боли обостряются все чувства, только–только миновала.

– Слышала, вчера нашли еще одну девушку на холмах?

Я кивнула. Не слышала, но читала доклад в кабинете отца. Горожанка. Возвращалась в полночь из трактира, где работала посудомойкой. Разорванная одежда, следы крови под ногтями, что говорило о ее сопротивлении насильнику. Примятая трава. Лишь ниже, у самой кромки реки, где почва никогда не просыхает, нашли глубокий отпечаток волчьей лапы. Наклонился к воде, когда пил. В природе таких крупных волков не существует. Значит, опять оборотень.

– Жуть.

– Лакомитесь?

За наш стол бесцеремонно сел Харрит. Вопреки прогнозам Шелли, после бала принц не атаковал меня визитами и

предложениями руки и сердца. Что значительно упростило наши отношения. Мы встречались, перекидывались парой слов, могли даже вместе сходить на выставку или концерт, но дальше дружеского общения дело не шло. Принца совершенно не смущало вечное присутствие подруги рядом со мной. Иногда он даже заезжал за ней первой, и я от них узнавала, что мы куда–то собираемся. Нам было комфортно втроем.

– Слышал о новом нападении оборотня? Говорят, он ее всю порвал. Мерзко, да? – Шелли умеет создать приятную атмосферу. Улыбка с лица Харрита моментально слетела. Он удрученно цыкнул и отвернулся к стеклянному стеллажу. Там хозяйка торопливо выставляла свежую порцию выпечки.

– А ну–ка, покажи свои глаза. Почему они у тебя красные? – никак не могла угомониться Леди Бестактность. Она, схватив Харрита за подбородок, заставила посмотреть на нее. Я пнула подругу под столом. – Опять всю ночь с моими братьями в карты играл?

– Шелли, какое тебе дело до нас? – он убрал ее пальцы с лица.

– Выпускной год, а вы как с цепи сорвались. Ты тоже пропускаешь занятия в академии?

– Я как раз оттуда. Вышел перекусить, но увидел вас и зашел поздороваться. Теперь, наверное, не успею, – Харрит глянул на огромные напольные часы, стоящие у входа. Вместо гирь на цепочке висели две огромные конфеты. Стрелки

перемещались по циферблату, выполненному в виде кремового торта.

– Хочешь? – Шелли подвинула вазон с пирожными, но недовольно скривила лицо, когда Харрит презрительно фыркнул.

– Мне бы мяса, – он вновь посмотрел на прилавок с выпечкой, но ничего мясного кондитерская предложить не могла. – Ладно, пойду дальше грызть гранит науки.

– А мои братцы, наверное, до сих пор спят.

– Они так поздно вернулись? – Харрит нахмурился.

– Они и рано не вернулись. Когда я уходила, их еще не было дома. Постой, но разве вы не гуляли вместе?

Известие, что друзья продолжили шляться без него, вконец расстроило принца. Быстро попрощавшись, он покинул кондитерскую.

– Чего это он так разозлился?

– Сколько тебя можно пинать, чтобы ты заткнулась? Человек лучился счастьем, пока ты не начала о растерзанной покойнице и непутевых братьях.

Шелли заглянула под стол.

– И ничего ты меня не пинала, я ноги под стулом держала.

Я тоже задрала скатерть.

– Черт.

– Ищи причину в себе. Человек лучился счастьем, а ты его пинала. Кто захочет после такого приема продолжить светскую беседу?

Аппетит окончательно пропал. Остаток пирожных мы забрали с собой. Мэсс Тутси разделила их на две коробки и перевязала лентами. Мы молча шли по центральной площади. Дети шумно бегали между каменными скульптурами, пожилые леди кормили птиц, играл, путаясь в нотах, уличный музыкант. Звон колоколов на курантах распугал голубей.

– Последние теплые деньки, – произнесла Шелли, подставляя лицо солнцу.

Как оказалось, это были наши последние безмятежные дни. Братья Вайрих домой так и не вернулись. А где–то через месяц в одном из подвалов Заречья нашли два полуразложившихся трупа оборотней, умерших насильственной смертью.

Я читала документы отца. В них высказывалось подозрение, что неизвестные и есть Свирг и Готвер, поскольку их исчезновение произошло как раз в полнолуние. Новый час волка ожидался только через три дня, так что сомнений у следствия не оставалось, что нашлись трупы именно братьев Вайрих. Сенсационная новость о том, что оборотни проникли во дворец, разнеслась со скоростью ветра. Но я отказывалась верить в эту версию. Я ни разу не чуяла от них характерного запаха оборотня.

Убитый горем отец Шелли тем не менее подал в отставку и вывез осиротевшую семью в особняк за городом. Я ожидала, что король отговорит лорда Вайриха покидать пост, но Генрик Третий молча подписал документы. Мало того, приказал

гвардейцам оцепить загородный особняк бывшего казначея.

– Неужели кто–то верит, что Шелли и ее родители тоже оборотни?

У отца были больные глаза.

– Дочь, в королевстве творится неладное. Ты просто не осознаешь масштаба беды. Пусть лучше Вайрихи посидят взаперти, чем будут закиданы камнями. Народ возбужден. Кто–то сильно мутит воду.

Из учебника истории я знала, кто оказался повинен в гибели добропорядочных граждан Заречья. Потому смело предположила, что зачинщик прежний. Тот, кто похитил маму, кто сделал меня недочеловеком, но так и остался в тени. Я пребывала в полной уверенности, что он и сейчас следит за мной. Очень хорошо, что меня отучили бегать на зов луны. Враг давно бы догадался, что за моим милым личиком скрывается недоделанный оборотень.

– Нет, папа, что–то не сходится, – поразмыслив, я возразила самой себе. Только что уверяла, что зачинщик из оборотней, а теперь вдруг усомнилась. – Смута явно направлена против оборотней. А значит, они сами не могут быть причастны к ней. Зачем им подвергать себя нападкам?

– Смута направлена против власти. Если братья Вайрих – оборотни, то получается, что один из представителей короны укрывал в своем доме иных. Незарегистрированных и без браслетов усмирения. Не зря же на каждом углу кричат, что власть имущие не подчиняются собственным законам. Мол,

богатенькие не переезжают в резервацию и не подвергаются унизительному ношению Стража. Каждое полнолуние приносит новую жертву на холмах, а король бездействует.

– Я все рано не понимаю, – я мотнула головой. – Какой резон тайному врагу обвинять оборотней? Он же, судя по всему, сам из них? Иначе зачем ему пытаться протолкнуть нелюдей к власти?

– Кто–то очень умный показывает на примере братьев Вайрих, что есть оборотни–убийцы, возомнившие, что им все ни по чем, так как они сынки богачей. И есть законопослушные, живущие в резервации. Одним нельзя доверять, другим можно.

– Игра в плохих и хороших?

– Верно. Когда–то у нашего врага не вышло нахрапом взять власть. Оборотней посчитали исчадием ада и прокляли. Поэтому он потратил долгие годы, чтобы создать благополучный образ иных. Мол, сами оборотни, плодящиеся щенками – достойные жители Тамбера, а те, что когда–то напали на Заречье – истинные звери. И они никуда не делись. Спрятались при дворе и продолжают чинить непотребства.

– Но если Готвер и Свирг на самом деле были оборотнями, то при дворе должна начаться чистка. Будут искать их пособников.

Отец кивнул.

– Она уже началась.

– Папа, мне страшно. А вдруг меня вычислят? Где Вито?

Он так нам сейчас нужен!

– Девочка, он занимается делами короля. Не будем отвлекать его тем, с чем можем разобраться сами.

Я кивнула. Мы можем разобраться сами.

Нет, все–таки мне повезло, что я недо–оборотень. Иначе мой папа тоже слетел бы с должности. Он укрывал у себя «волчицу» долгие семнадцать лет. Это ли не пример того, что власть делит людей на тех, кто обязан жить в резервации, и на тех, кому все дозволено?

Предупрежденная о волнениях я старалась не покидать дворец. Все, что мне нужно было для жизни, находилось здесь. Собираясь на будущий год поступать на курсы при магической академии, я с особым усердием взялась за учебники.

Учителя, нанятые Аурелио, продолжали ко мне приходить. Его друг, хоть и был по самую макушку занят в Департаменте, все же находил время погонять меня. Единственное, что раз и навсегда отменилось с уходом Вито – это уроки танцев. Но по этому «предмету» я скучала больше всего. Гонго Инвар оказался никудышным партнером, и я убедилась в этом не раз. Во дворце время от времени давались балы или музыкальные вечера, куда меня неизменно сопровождал один и тот же кавалер. Папа доверял ему. И Гонго с особым усердием отгонял от меня сомнительных ухажеров, отказывая им под предлогом, что следующий танец я обещала ему. Но я не скучала. Рядом всегда были Шелли и Харрит,

и мы чудесно проводили время.

Сейчас же все изменилось. Поэтому я решила заняться танцами самостоятельно. Кроме того, близилась полночь оборотня, и мне срочно требовалось занять себя.

Королевская библиотека располагала не только книгами, но и музыкальными кристаллами. В столице много лет работала мастерская, где записи мелодий наносились на полудрагоценные камни. Чем крупнее оказывался камень, тем больше на нем помещалось произведений. Мне однажды повезло побывать в Доме музыки. Королевский оркестр как раз записывал партию главной героини из оперы «Смерть Фисильды». Душераздирающая история любви меня, десятилетнюю, не впечатлила, но позже, когда Аурелио исчез, я нашла тот кристалл и слушала его, рыдая в подушку.

Но время любовных страданий прошло. Теперь я искала музыку, подходящую для танцев. Когда мы репетировали с Вито, он приглашал одного из музыкантов королевского оркестра, и тот подыгрывал нам на вьюдоре – сложном многострунном инструменте. Танцевать при свидетелях я не собиралась, поэтому решила обойтись кристаллами. Да, звук неживой, но вполне сойдет, чтобы отвести душу.

– М–м–м, какой странный выбор.

Я обернулась, не ожидая, что в этом закутке есть кто–то кроме меня. Отсортированные мной камни рассматривал Харрит.

– Ваше Высочество, – я присела в приветствии.

После трагедии с братьями Вайрих и ссылкой Шелли мы виделись редко. Не потому, что я сторонилась младшего принца. Он сам не проявлял заинтересованности. Отвечал сухо, вечно торопился по делам. Словно трио, превратившееся в дуэт, его мало волновало. Честно говоря, я часто думала о младшем сыне короля. Мне его не хватало. Даже нашла объяснение его отстраненности: ему нравилась Шелли, и только поэтому Харрит с таким удовольствием проводил с нами время. Жаль, что он не успел ей признаться. Подруга достойна любви принца.

– «Лебединый дуэт», «Кружение лепестка вишни», «Грезы ветра», «Морозные кружева», – продолжал перебирать кристаллы Харрит. – Разве эти мелодии не для танцев?

– Да, для них. Скоро Новогодний бал, и я хотела бы отточить основные движения.

– Если он состоится, – камни со стуком вернулись в выданную библиотекарем коробку.

– Что может помешать?

Принц посмотрел на меня осуждающе.

Дура я бестолковая. В стране смута, у моей подруги горе, и она сидит в заточении, а я думаю о развлечениях.

– Прости.

– Это ты меня прости. Пойдем, – Харрит сунул коробку подмышку и протянул руку.

– Куда? – я растерялась.

– Танцевать. Я тоже давно не разминался.

Я собиралась идти в одну из общественных комнат, специально предназначенных для занятий танцами. Там зеркала на всю стену, мягкое освещение, выверенное место для кристалла, чтобы звук, исходящий из него, распределялся равномерно. Но Харрит повел меня в Северное крыло. Королевское.

– Это мои покои, – принц кивнул на высокие двери, возле которых грозной стражей застыли два рыцаря. Я постучала по доспехам, пустота внутри них ответила металлическим лязгом.

– Для устрашения?

– Нет. Это светильники, их шлемы ночью горят.

– Чтобы ты безошибочно нашел свои покои? – я посмотрела вдаль и, хотя в коридоре наблюдалось еще несколько дверей, нигде больше не стояли фигуры в броне. Ошибиться было бы трудно.

– Я в детстве страдал лунатизмом и сильно пугался, если обнаруживал себя в кромешной темноте. Обо мне позаботились таким образом. Я привык, поэтому попросил не убирать. Иногда они и сейчас полезны, – Харрит ласково погладил нагрудник. – Когда засидимся за картами…

– И изрядно выпьете, – добавила я, улыбаясь. Видела однажды, когда ночевала у Шеллли, в каком состоянии вернулись ее братья. Они на ногах не держались. И ломились не в те двери. Пока дворецкий не довел их до нужных покоев.

Видимо, мы думали об одном и том же. Принц печально

выдохнул.

– Мне не хватает братьев Вайрих.

– А мне не хватает Шелли. И… тебя.

Глава 7

Харрит вдруг обнял меня. Крепко. Словно сам давно нуждался в дружеских объятиях. Я ответила, свела руки за его спиной.

Мы постояли так с минуту. Я не дышала, привыкая к новым ощущениям. Еще никто, кроме отца и Вито, не обнимал меня так тесно. Я каждой частичкой своего тела чувствовала чужое.

Принц, опомнившись, отпустил меня. Тряхнул головой.

– Если ты задержишься до ночи, – произнес он, снимая неловкость словами, – то увидишь, как доспехи светятся. Впечатляющее зрелище.

Я просто кивнула.

Пришла пора «урока», но у нас почему–то никак не ладилось. Мы кривились, шипели от неловкости и извинялись, если вдруг соприкасались бедрами, или руки нечаянно оказывалась не там, где положено. Пропала прежняя легкость отношений. Мы будто отвыкли друг от друга. Выяснилось, что без Шелли мы не умеем общаться. Она связывала нас, задавала тему разговоров, привносила душевность и теплоту.

– Ты ее до сих пор любишь? – вырвалось у меня после очередного испорченного па.

– Кого?

– Шелли.

Харрит странно посмотрел на меня.

– При чем тут она?

– Мне показалось, что ты к ней неравнодушен.

– Вот еще!

– Разве ты сам не видишь, без Шелли у нас ничего не получается. Мы словно никогда прежде не общались. Ты ведешь себя как незнакомец.

– Прости, здесь моя вина. Мне на самом деле не до танцев, – он вздохнул и отвел глаза к темному окну. В них жила такая тоска, что мне сделалось не по себе. – Нужно многое сказать тебе, но я никак не решусь.

Мы находились в просторной гостиной. Чтобы не мешали диваны, мы сдвинули их в сторону, стол и стулья как попало выставили вдоль стен. Ковер тоже пришлось скатать. Подготовка пространства для танцев оказалось самой веселой частью вечера. А теперь в воздухе разливалось напряжение. Мы замерли посреди пустой комнаты очень близко друг к другу. Я чувствовала его дыхание, он мое. Но в то же время мы были далеки как никогда прежде.

– Я намеренно гнал себя от тебя. И мне реально делалось легче, когда с нами находилась Шелли.

– Что случилось, Харрит? – я обхватила его лицо ладонями и заставила посмотреть на себя. – Что случилось с нами?

– Отец настаивает, чтобы мы поженились.

Я отшатнулась. Принц удержал меня за талию. Он так и

не снял с нее рук.

– А ты не хочешь?

Все–таки Шелли оказалась права. Тот бал решал многое. После него прошли еще два, но король на них так и не появился. Напутственную речь в обоих случаях произнес наследник.

– Не хочу.

Я выдохнула. Удивительно, но я была разочарована. Нет, не потому, что стремилась замуж за принца. Он хорош собой, блестяще образован, и я уже знаю, какой он друг, но получить честный ответ вот так, в лоб, не ожидала. Харрит даже не попытался смягчить слова, сказав, что я красива и имею мягкий нрав или еще что–то выдающееся, но обстоятельства, увы, против нас. Я бы поверила. Правда. Хотя услышать «ты, конечно, умна, рассудительна и могла бы быть отличной женой, но я тебя, как женщину, не хочу» было бы еще неприятнее. С какой стороны ни посмотри – как–то все неправильно.

Но еще неправильнее было услышать следующее:

– Тебя не выпустят из комнаты, пока ты не скажешь, что согласна выйти за меня замуж.

– О…

– Я намеренно привел тебя сюда. Вынужден был подчиниться. Два года я кормил отца обещаниями, делая вид, что у нас все хорошо, и ты принимаешь мои ухаживания.

Харрит удержал меня за руку, когда я шагнула назад, вы-

свобождаясь из его объятий.

– И что же ты сделаешь, чтобы я согласилась?

– Ты сама знаешь, – он показал взглядом на приоткрытую дверь спальни, где виднелась огромная кровать, застеленная белоснежными простынями.

– Так, значит, принято у Плагертов? – я грустно усмехнулась. Не удивлюсь, если невестка лорда Мэдора – брата короля, не оказалась в такой же ситуации. Она вышла замуж глубоко беременная.

– Плагерты умеют уговаривать, – голос принца звучал глухо. – И избавляться от тех, кто стоит на их пути.

– Ты сейчас о моем отце? Если я не соглашусь, то он потеряет свое место?

– Очень трудно не согласиться, когда на тебя давит сам король. Решение Его Величества не имеет обратного хода. Тут выбор для тебя и твоего отца невелик. На одной чаше весов выгодный брак с сыном короля… – Харрит смерил меня изучающим взглядом. – Согласись, Летисия, я неплохой вариант для будущего мужа.

Принц протянул руку и убрал с моего лица упавший локон. Серебристый. Полнолуние еще было в силе. Я сжала зубы.

– А на другой чаше потеря всего, – продолжил Харрит. – Имени, состояния, может быть, даже жизни. Найдется немало причин осудить твоего отца. Дикие оборотни терроризируют столицу, а он так и не вычислил предателей и не пре-

кратил череду смертей. Подвести под статью пособничества или даже перехода на сторону иных будет несложно.

Я окаменела.

Иных. Мой отец воспитывал сразу двух иных: Аурелио и меня. Уже только за это можно лишиться жизни.

– Но я уверен, все обойдется, – Харрит скользил взглядом по моему лицу. В час волка я плохо контролировала эмоции, поэтому опасалась, что он заметит, как подействовали на меня его слова. – Лорд Сэкхарт останется при дворе и проживет много–много лет, потому что ты скажешь «да». Причем это будет клятва на крови.

Он указал на свое единственное украшение – кольцо рода Плагертов. Магическая вещь принимала клятву, нарушение которой заканчивалось смертью.

– Ты сказал, что король избавляется от всех, кто стоит на его пути, – прежде чем произнести да или нет, я должна была знать, есть ли у меня хоть один шанс выпутаться. – Долгое отсутствие лорда Аурелио подпадает под эту категорию? Он на службе короля или…

– Ни от кого не скрылось, насколько ты была увлечена им, – с усталостью в голосе произнес Харрит, направляясь в спальную комнату.

– И вы…

– Давай покончим с нашими делами как можно быстрей, – перебил меня Харрит и потянулся к пуговицам рубашки. Камзол он снял еще во время танцев. – Меня ждут за кар-

точным столом.

От невозможности поверить, что все происходящее – реальность, я схватилась за голову. Я с ужасом наблюдала, как принц, оставшись в одних штанах, расправляет постель. Небрежно сбрасывает белоснежное покрывало, смахивает на пол бесчисленные подушки.

– Харрит, но ты же не хочешь, – я попыталась напомнить, с чего начался наш разговор.

– У детей королевской крови нет выбора. Лети, – он забрался на кровать, не снимая сапог, и призывно протянул ко мне руку, – не дури. Давай сделаем это по быстрому.

Я яростно помотала головой.

– Я настолько тебе не нравлюсь? – Харрит приподнял бровь, а я видела, как поднимается смоляная бровь Вито. Простая гримаса в ином исполнении заставила меня сложиться пополам. Аурелио услали, чтобы он всему этому не мешал. Король знал, что сыну лорда Сэкхарта по силам противостоять ему. – Милая, не плач. Я заметил, как ты опечалилась, когда я сказал, что не хочу на тебе жениться. Ты же что–то чувствуешь ко мне? Признайся. Ты скучала по нашим встречам…

– Я никогда тебя не полюблю.

– Полюбишь. Я хороший. Спорим, что однажды ты сама прыгнешь мне на шею. И я даже позволю тебе поцеловать себя.

– Этого никогда не случится. Женщина не сможет полю-

бить насильника.

– Я буду ласков. Ну же! Посмотри, на кольцо. Оно готово, чтобы ты произнесла клятву. Осталась самая малость, испачкать простыни кровью.

Я метнулась к двери. Я едва успела обрадоваться, что та не заперта, как на пороге столкнулась нос к носу с Рурком – средним сыном короля. Он явно подслушивал. Увидев меня, осклабился в премерзкой улыбке. Два рыцаря–светильника ослепили меня ярким огнем, и на мгновение почудилось, что оскал Рурка напоминает волчий.

– Помочь? – он обратился не ко мне, а к появившемуся за моей спиной полураздетому Харриту. Я кожей чувствовала, какой от него исходил жар. – Могу подержать.

– Я справлюсь, – младший принц был абсолютно спокоен, и эта непроницаемость напугала меня сильнее всего.

На этот раз он закрыл дверь на ключ.

Харрит больше не желал тратить время на уговоры. Подхватив меня на руки, понес в спальню. Кровать мягко приняла мое напряженное тело.

Забравшись сверху, он силой развел мои руки в стороны. Я попыталась дернуться, но Харрит был слишком крупный, чтобы я смогла с ним справиться. Уроки Вито пошли насмарку. Когда обстоятельства требовали силы, смекалки, ловкости, я оказалась слабачкой.

Принц низко–низко наклонился.

Его губы едва не касались моих. Я напряглась. Предста-

вился единственный шанс ударить его лбом по носу. Харрит хотел крови? Я даже приготовилась саркастически рассмеяться, когда мой бывший друг умоется кровавыми соплями.

Я осуществила задуманное, со всей силой мотнув головой, но подлец увернулся. И присвоил себе мой саркастический смех.

– А ведь Вито говорил, что ты хороша и тебя стоит опасаться.

– Не смей даже упоминать имя моего брата. Ты ничто рядом с ним.

– Я знаю, знаю, – Харрит отчего–то слишком быстро успокоился. Он больше не смеялся. – А теперь, Серебро, слушай меня внимательно.

Я замерла. Серебро? Но так называл меня только Вито.

– Тебе через дверь не выбраться, – принц говорил тихо, и я даже приподняла голову, чтобы услышать его. – Отец знает, что я могу ослушаться, поэтому послал Рурка. Если не я, то он займется тобой. Неважно, кто из Плагертов познает твое тело. Главное, результат.

– Это низко. И я не понимаю, зачем я вам?

– Тише. Говори тише, – он показал глазами на дверь.

– Почему выбрали именно меня? – я понизила голос, но даже сейчас в нем чувствовалась ярость. – В Тамбере полно красивых девушек, которые с радостью пойдут с тобой под венец.

Харрит опять низко наклонился, но в этот раз так, чтобы

я не смогла его ударить. Его губы задевали мое ухо. Шепот заставил вздрогнуть, а произносимые слова напрячься.

– Но не у всякой девушки нашего королевства есть такой брат, как Вито.

Я перестала дышать.

– Да, милая. Цель – лорд Аурелио, а не ты. Ты то, что дорого ему. Ты – его слабое место. Он будет вынужден подчиняться короне, пока ты в наших руках.

– Но я не видела его целых два года. Ни разу со времени бала дебютанток. Я не тот человек, который вам нужен. Иначе Вито не допустил бы насилия надо мной.

– Он и не допустил.

– Что?! – голос не слушался. Я хрипела. От тяжести мужчины, сидящего на мне, от невероятности услышанного.

Харрит отпустил мои руки и слез с кровати. Откинув крышку одного из сундуков, извлек на свет нечто черное.

Приказал коротко:

– Переодевайся.

Передо мной лежал тот самый кожаный костюм, который я извозила в грязи нищего переулка. Даже пуговица на штанах оказалась на месте.

– Но… – я сглотнула. – Но я оставила его у Шелли. Его невозможно было очистить.

– Пришлось постараться. Втереться в доверие к служанке Шелли. Ради принца она расстаралась. Ну? Чего ты ждешь?

– Ты будешь смотреть? – я взялась за край платья.

– М–м–м, извирские кружева? – успел оценить Харрит, перед тем как мы повернулись друг к другу спиной. Я, пребывая в эйфории, задрала платье слишком поспешно.

– Так это Вито попросил спасти меня? А как же ты? Тебе не достанется за предательство короны? А…

Я слышала шорох за спиной и думала, что Харрит облачается в одежду, поэтому без стеснения повернулась к другу. Моя рука, с трудом застегивающая пуговицы на слишком тесной курточке, застыла.

– Зачем ты разделся?! – я едва не задохнулась от неожиданности. Харрит стоял передо мной полностью обнаженный. Я еще никогда не видела мужчину голым, а потому таращилась туда, куда воспитанные девушки не смотрят.

– Потом у меня не будет времени разоблачиться. Тебе придется прыгать в окно, а мне валяться на полу с разбитой головой. И перестань пялится, это в конце концов неприлично.

– Я не… Оно само… О… – я крутанулась на пятках и набрала полную грудь воздуха. Насколько позволила тесная курточка. Пытаясь забить словами то, что я только что увидела, кинулась упрекать бесстыдника.

– Скажи, зачем ты тогда ломал комедию с угрозами? Не проще ли было шепнуть мне, что нужно спрятаться? Заранее. Неделю назад. Или хотя бы вчера. Я бы уехала к Шелли… Нет, – я тут же поправила себя, – к Вайрихам нельзя, там стража. Но я попросила бы отца…

Я опять не удержалась и посмотрела на принца. Но он, к моему счастью (или разочарованию – я не рассмотрела все как следует), укрыл бедра полотенцем. Заметив мой взгляд, Харрит растекся в самой широкой из своих улыбок.

– Милая, твоего отца нельзя подставлять. Только искреннее беспокойство лорда Сэкхарта о судьбе дочери отведет от него подозрения. Пусть ищет тебя, пусть перевернет весь Тамбер, – насладившись моей пунцовой физиономией, Харрит принялся весьма ловко связывать между собой простыни. Второй этаж вроде невысоко, но никто не поручился бы, что я приземлюсь без переломов. Проще и безопаснее спуститься по импровизированному канату.

– Но ты с таким же успехом мог проводить меня до ограды еще до того, как позвал к себе. Не спеша, прогулочным шагом. Зачем все эти неуклюжие танцы и вязанки из простыней?

– За нами следили. И слушали. Уверен, за дверью и сейчас наблюдают. А потом, я питал надежду, что ты с радостью согласишься. Кинешься мне на шею и скажешь да. Неужели я настолько плох?

– Ты хороший. Очень. Но, прости, – я помялась, – я не люблю тебя.

– Твое сердце занял Аурелио? Я с самого начала знал, что не смогу с ним состязаться, – принц не спрашивал. Он и так все видел. Мое лицо полыхало. Пришлось даже приложить холодные пальцы к щекам. А я думала, что излечилась от

любви к Вито.

– Я его увижу?

– Не знаю. Скорее нет, чем да. Слишком опасно. Должно пройти время. Король, обнаружив побег, будет в ярости.

Принц прошел за дверь, ведущую в купальню. Я поспешила за ним. Стояла рядом и наблюдала, как он привязывает простыню к крюку, вбитому в стену, и складывает «канат» на подоконнике у узкого окна. В такое взрослому человеку не протиснуться, поэтому его не забрали решеткой. Я забеспокоилась, что моя попа застрянет. Но Харрит действовал так уверенно, что я приказала себе успокоиться.

– Может, все–таки предупредить лорда Сэкхарта? – за папу я переживала. – Как бы он не попал под горячую руку Его Величества.

– Я послежу, чтобы обошлось без крови. А вот тебе, милая, придется пустить ее мне, – он подошел к бронзовому подсвечнику, стоящему на тумбе, и взвесил тот в руке. – Целься в лоб. Не бойся. Здесь самая толстая кость. Правда, назавтра у меня заплывут глаза, но ты уже не сможешь оценить сию красоту.

Я взяла подсвечник, он показался очень тяжелым. Я с сомнением посмотрела на лоб Харрита. Там курчавился завиток, про который нянька говорила «корова зализала». Я держала в руках орудие, способное убить, и не знала, смогу ли ударить человека. Беззащитного и не нападающего на меня.

– Подожди, еще рано, – Харрит иначе оценил мое внима-

ние к своей голове. Наверняка решил, что я прицеливаюсь. – Включим воду. Пусть шумит.

Открыв кран, Харрит сбегал в комнату и принес мою одежду. Небольшое помещение быстро заполнялось паром.

– Придется тебе немного покричать, – он с трудом разорвал мое платье от ворота вниз, бросил на пол и немного потоптался на нем.

– Начинать? – я прочистила горло.

– Подожди. Ты еще не знаешь, куда бежать, – он вдруг засунул палец в рот. – Черт, давно не снимал.

Перстень рода Плагертов нехотя стянулся с руки принца.

– Пожалуйста, не потеряй. Когда–нибудь вернешь.

– Зачем мне кольцо?

– Придется соврать, что ты поклялась на крови. Но, улучив момент, когда я расслабился, ударила и прихватила перстень с собой.

– Все же я не поняла.

– Кольцо, принимающее клятву на крови, начинает светиться. И не гаснет до тех пор, пока обещанное не исполнится. Я не могу оставить его у себя. Отец сразу поймет, что я лгу.

– Но как же… – я растерялась. – Получается, что, сбежав, я злостно нарушила клятву, а, значит, должна умереть.

– Может быть, когда–нибудь найдут твой труп. И мое кольцо при нем. Это уже на усмотрение Аурелио.

– Как так? – меня передернуло. Я слишком ясно предста-

вила картину. – Ты имеешь в виду, что я так надоем Вито, что он прибьет меня?

– Не знаю. Трудно предугадать, на что способен маг времени. Я больше чем уверен, он сотню раз прокрутил нашу сегодняшнюю ситуацию, прежде чем выбрать самый безопасные вариант.

Я верила в Вито, но все же переспросила.

– А осечки быть не может? Вдруг все пойдет не по его сценарию?

– У Вито? Никогда.

– Подожди! Он как–то говорил мне, что должен быть причастным к делу, которое исправляет. Но я не видела брата больше двух лет.

– А разве он не причастен? – принц опять задрал бровь. Все же у него получается не так волнующе, как у Аурелио. – Кто же тогда продумал весь план до мелочей? И откуда я знаю, что ты поцелуешь меня на прощание?

– Нет, давай вернемся к тому моменту, когда я узнаю, куда мне бежать.

– Тебя ждет резервация.

– Не поняла?

– Ты спрячешься в резервации. Покажешь мое кольцо дядьке Шерду. Запомни. Только ему, больше никому.

– Я отправлюсь в резервацию? – я не могла поверить, что место, которого я боялась, как огня, станет моим спасением.

Но на что только не решишься, когда не хочешь подвести

дорогих тебе людей.

Глава 8

Я спрятала кольцо в кармане курточки. Несколько раз подпрыгнула и наклонилась, чтобы убедиться, что ценная вещь не вывалится. Харрит с улыбкой наблюдал за моими действиями. Когда я перестала вертеться, вернулся к наставлениям.

– Не пугайся. Индорская столичная резервация – лучшее место для тех, кто хочет скрыться. Там Летисию Сэкхарт будут искать в последнюю очередь. Можешь без стеснения объявить, что у тебя есть жених. Тогда не придется отбиваться от кавалеров.

– А вдруг кто–нибудь проболтается, что я прячусь в резервации? Ты так уверен в оборотнях?

– Они не сдают своих.

– Я разве своя? – у меня все внутри замерло. Харрит знает, что я недо–оборотень?

– Как только поселишься в доме старика Шерда, то сразу перейдешь в разряд своих.

– А, понятно, – меня отпустило.

– Помнишь, где у них главный вход?

– Мы с Шелли как–то прогулялись вдоль реки, – верная подруга и здесь оказалась полезной. Резервация начиналась сразу за мостом через реку Двиру. Нам было волнительно и страшно. Но поездка оказалась пустой – оборотней мы так

и не увидели.

– Это я попросил ее показать тебе ворота.

– Ты давно знал, что мне придется бежать?

– Мы встретились с Аурелио за день до его исчезновения.

– Два года назад?

– Он сказал, что бал – твоя точка отсчета. Помнишь, что произнес Вито, когда вручал тебя мне?

– Позаботься о моей сестре, – я запомнила, это были его последние слова.

– Что я и делаю с тех пор.

Я была впечатлена. Будучи тринадцатилетним подростком, Аурелио прокручивал варианты спасения неродившегося ребенка, стесненный небольшим отрезком времени. Тогда точкой отсчета оказался момент его встречи с моей мамой. Оставалось совсем немного до часа волка, чтобы найти единственный приемлемый вариант, где я оставалась бы жива. Здесь же Вито продумал все на два года вперед.

Нет, неправильно.

Аурелио не способен заглядывать в будущее. Он обладает даром менять прошлое. А значит, он уже не раз прожил этот двухгодичный отрезок времени, чтобы выбрать вариант, где все мы остаемся невредимы. Я и Вито, мой отец и Харрит.

Чувства переполняли меня. Я бросилась на шею принца и крепко обняла его.

– Я же предупреждал, что ты с радостью повиснешь на моей шее? – мягко засмеялся Харрит. – Осталось только по-

целовать. Вито и это гарантировал. Должен же я получить хоть какой–то приз за трудную работу?

И я поцеловала. Вложила в поцелуй всю душу. Я была благодарна своему верному другу.

– Ну все, удушишь, – он мягко отстранил меня. Подойдя к окну, выбросил канат из простыней наружу. – Так, слушай меня внимательно. Сначала немного покричишь. Постарайся, чтобы крик выглядел естественным. Потом ударишь меня по лбу, подсвечник не бросай, положишь аккуратно. Не надо настораживать их грохотом.

– Их?

– Думаешь, Рурк там один?

– Так, я кричу, бью, не бросаю. Бегу к окну, пытаюсь в него протиснуться.

– Пролезешь. Я во время танцев оценил твои габариты. Спускаешься не торопясь. Не бойся, эта часть парка глухая. Отец не любит, чтобы под окнами разговаривали или громыхали сапогами. И еще я попросил посадить вьюн, чтобы он закрыл вид на мои окна.

– Два года назад?

– Да. Не отвлекайся. Как спустишься, направляйся к южным воротам. В черном тебя никто не заметит. Ах, да, вот еще, – он вернулся в спальню и, сунув руку под матрас, вытащил черный платок, – накинь на волосы. Добежишь до ворот, найдешь в створке неприметную дверь. Она будет открыта. Я проследил.

– Подожди, а как же платье? – я показала на ту тряпку, что осталась валяться за приоткрытой дверью ванной комнаты. Пар от горячей воды проникал уже в спальню. То ли от него, то ли от волнения сделалось нестерпимо душно. Я расстегнула верхнюю пуговицу куртки. – Я что, убежала голая?

– Разве на тебе не остались панталоны из извирских кружев и нижняя рубашка?

– Ах, да… Прости, продолжай.

– За городом по открытой дороге не иди, лучше пробирайся через поля. У ворот резервации спросишь Шерда. Запомнила? Покажешь ему перстень.

– Шерд оборотень?

– Да. Но пусть тебя это не пугает. Он предан мне. И если бы его не обратили, Шерд до сих пор находился бы рядом. Он был у нас воспитателем. В случае надобности представишься ему моей невестой. Даже если слух дойдет до отца, он только подтвердит легенду, что мы обручились.

– Понятно, Шерд – нянька, я – твоя невеста. А дальше?

– Дальше он позаботится о тебе. Ну все, давай прощаться, – Харрит притянул меня к себе. Его нагое тело обжигало.

– Вито знает, что ты сейчас собираешься меня еще раз поцеловать? – прошептала я, закрывая глаза. Харрит хорошо целуется. Я уже оценила. Конечно, мне хотелось бы, чтобы мой первый поцелуй случился с Аурелио, но жизнь имеет особенность странно складываться.

– Он все знает.

Принц после долгого поцелуя отпустил меня из объятий и тихо рассмеялся.

– Что?

– Боюсь, что моей наглости лорд Аурелио предусмотреть не мог.

– Ты мне наврал?

– Я хотел, чтобы ты поняла, что теряешь.

– Вито убьет тебя, – я хлопнула ладонью по обнаженной груди принца.

Получилось так звонко, словно кто–то от души влепил пощечину. В этот же момент с Харрита слетело полотенце. Я увидела его в боевой готовности и закричала. Получилось вполне естественно. И вполне натурально шваркнула подсвечником по бедной голове принца.

Когда Его Высочество рухнул на постель, я аккуратно, как учили, положила рядом подсвечник и лишь потом дрожащими руками пощупала пульс. Сердце Харрита билось уверенно.

– Иди уже, – простонал он, трогая голову. На его руки алела кровь. Я вскрикнула от ужаса и ланью понеслась к окну.

Конечно же я застряла. Проклятые пирожные. Зря Харрит мерил мне попу, в щель узкого окна не пускала грудь. Пришлось расстегнуть курточку и повертеться ужом.

– Ну давай, давай!

– Кого ты там уговариваешь? – донеслось тихое сзади. Я с досады цыкнула. Его Высочество опять светил своими те-

лесами. По бледному лицу Харрита текла кровь.

– Застряла! – громким шепотом известила я. – Что делать?

Он просто ущипнул меня за зад. Я ойкнула и вывалилась в окно. Едва успела схватиться за «канат».

– Какой дурак придумал шелковые простыни? – прошипела я, чувствуя, как горят ладони. Шелк, по которому я скользила, обжигал руки. Благо, что путь до земли предстоял недолгий.

– Принцам другого белья не положено, – кинули мне сверху.

Но мне уже было не до стертых в кровь ладоней. Я висела на расстоянии пары метров от земли и не могла оторвать взгляда от того, что происходило в покоях на первом этаже. В наполненной ванне резвились двое: король и Ханна Бушер.

Ах так вот почему она не торопилась замуж!

Любовники были так увлечены друг другом, что не замечали ничего вокруг. А я пополнила копилку своих ничтожных знаний об интимной близости. За один вечер мне «посчастливилось» лицезреть сразу двух обнаженных мужчин. Причем в диаметрально противоположных ипостасях: цветущей и хиреющей. Незабываемое зрелище.

Если я когда–нибудь встречу Харрита, то непременно оборву ему уши. Он чуть не провалил операцию, выбрав не то окно. А если бы эта парочка на минутку отвлеклась от лобызаний и открыла глаза? Плюс ко всему, как мне теперь

стереть из памяти ее огромные сиськи и его дряблый живот?

Я мышью метнулась вниз, с шипением вытерла горящие ладони о штаны и, пригнувшись, потрусила по направлению к южным воротам. С моего лица не сходила улыбка. Зря я думала, что Аурелио и Ханну Бушер связывают чувства. Да, она кокетничала с красивым мужчиной, но цель у нее была совсем иная – король.

Дверь, которую должен был открыть Харрит, оказалась заперта. Видимо, кто–то обнаружил взлом и укрепил засов – он блестел новенькими заклепками. Но что для недо–оборотня преграда в виде высокой стены, когда час волка еще в силе? Серебро луны мне в помощь.

Я скользила вдоль ограды, выискивая удобное место. На мое счастье нерадивый садовник оставил в кустах лестницу. Пусть короткую, но достаточную, чтобы перебросить тело через забор. Вот уж повезло так повезло!

Приземлившись с внешней стороны, я огляделась. Легла на землю и затаила дыхание, когда в конце улицы появился отряд стражников. Опасно в свете луны блеснули их отполированные шлемы.

– Капитан приказал осмотреть замки и засовы. Их сегодня кто–то намеренно взломал, – негромко произнес старший.

Отряд, клацая оружием, прошествовал мимо меня. Я, холодея от страха, проводила взглядом арбалеты. Нет, все–таки здорово, что я не полезла через ворота, а отошла подальше. Иначе сейчас металась бы по городу с хвостом из дюжи-

ны воинов и парой болтов в спине.

– Закрыто, – стражник не только осмотрел замки, но и для убедительности ударил плечом в крепкую дверь. – А с той стороны засаду не оставили? Я бы непременно поинтересовался, кому приспичило тайно выйти.

Черт!

Я вся подобралась.

– Оставили. Но раз тревоги нет, значит, пока тихо.

Черт–черт–черт!

Я передумала драть уши Харриту. Никто меня за руку у ворот не схватил, да и лестница, как выясняется, не просто так попалась на глаза. Выходит, что и здесь все предусмотрели.

Дождавшись, когда отряд удалится, я метнулась в сторону домов знати и растворилась в тени городских улиц.

Моя дорога лежала в противоположную от холмов сторону, что немного успокаивало. Кровожадный оборотень, если и рыскал, то только там. Судя по папиным документам, Холмогорье было его излюбленным местом охоты. Заречье, хоть и находилось недалеко, отрезалось от благополучной части города высокой стеной, возведенной для сокрытия развалин от взора приезжих. Некогда нарядные дома представляли собой жалкое зрелище. Я тихо радовалась, что для моего укрытия выбрали именно Индорскую столичную резервацию – самую многочисленную, богатую и обустроенную. Во всяком случае, ее всегда хвалили как образчик достойной жиз-

ни иных в Тамбере.

Пару раз на моем по пути встречалась городская стража, но черные одежды надежно скрывали от бдительного взора.

Резервация располагалась не сразу за городом. До нее нужно было пресечь огромную кукурузную плантацию и каменный мост через реку. Ту самую, которая вниз по течению отрезает от столицы Заречье. Поле я преодолела, не сбавляя скорости, несмотря на то, что дыхание уже сбивалось, а высокие стебли больно секли руки и лицо.

Остановившись передохнуть перед последним рывком, я тихо рассмеялась. Не могла не рассмеяться, хотя воздуха от быстрого бега не хватало. Я глотала его большими порциями и сияла от счастья. До меня, наконец, дошло, почему так упорно и безжалостно Вито, а после его исчезновения уже Гонго, гоняли меня точно скаковую лошадь. В дождь и снег, под палящим солнцем и в те часы, когда остальные сладко спали. Нетренированному человеку трудно пришлось бы в беге по пересеченной местности.

И я в очередной раз восхитилась гением Аурелио. Как же много деталей пришлось ему предусмотреть! Я вновь любила Вито всей душой. Насильно спрятанные чувства теперь, обретя свободу, гнали меня навстречу к нему. Неважно где и когда мы встретимся, главное, он где–то рядом и заботится обо мне. Надежда жила во мне.

Хотелось кричать от счастья: «Аурелио меня не забыл!!!»

Да, он ушел не попрощавшись, но на то были веские при-

чины. Наверняка, того же порядка, какие теперь побудили меня не открыться отцу.

Окрыленная, я не заметила опасности. Меня перехватили перед самым мостом.

– О, красотка! Куда же ты так спешишь?

Вот и встретилась я с оборотнем. С самым настоящим. С ушами и хвостом. С оскаленной пастью и горящими глазами. Огромным, точно лось, зверем. Он поднялся на задние лапы и задумчиво поковырялся черным когтем в зубах. Речь его была невнятна, строение черепа мешало произносить некоторые звуки. Но тем ужаснее звучал его голос.

Я готовилась к встрече и ярко представляла ее. Если ты идешь в логово хищника, то не удивительно, что он появится на пороге. Но все же я не ожидала, что волки могут быть настолько большими, а оттого немного трусила. Мало ли, что у них в голове? Мысленно прикидывая, в какую сторону метнуться в случае нападения, я краем глаза заметила еще троих. Двое, выныривая из кустов, отрезали мне дорогу назад, четвертый же застыл у края кукурузного поля. Он стоял на широко расставленных лапах и тяжело дышал.

– Я, кажется, загнала вашего друга? – произнесла я, кивнув на высунувшего язык хищника. Нельзя показывать зверю свой страх.

– Нехорошо получилось, – согласился оборотень, растягивая пасть в улыбке. Демонстрация полного набора зубов должна была меня впечатлить.

Я в ответ не менее широко улыбнулась. Хотя коленки дрожали.

– Так куда же ты, милая, торопишься? – шипящие звуки ему не особо удавались, а потому речь звучала несколько гротескно. Но трепета перед хищником не умаляла.

– Дедушку навестить хочу. Вы случайно старика Шерда не знаете?

– А ты тоже, что ли, из наших? – оборотень осторожно обошел меня по кругу.

– А вы попробуйте напасть – сразу поймете, – я продемонстрировала ему руку со спрятанными под лаком острыми ногтями. – Товар из лавки Бибурта отличного качества. Рекомендую. Даже если расцарапаю вам морду, не облезет.

– Женщины, – оборотень презрительно фыркнул, но подошел ближе. Его когтистая лапа была шершавой и карябала мою нежную кожу, когда он внимательно обнюхивал розовые когти.

Я скривилась, когда его язык прошелся по моей коже от кончиков пальцев до запястья.

– Сладкая… Не замужем?

– Обручена.

– И кто счастливчик?

– Не ваше дело.

– Хочешь угадаю? Ты вся пропахла им. И явно побывала в его постели.

Я сделала круглые глаза. Сволочь. Харрит нарочно выва-

лял меня в своем запахе. Теперь я не сомневалась, для чего он разделся.

– Ну? Мне самому произнести его имя?

– Вы так хорошо знакомы? – я следовала нашей с принцем легенде. Чего уж скрывать? Жених так жених. Кто же знал, что меня тщательно обнюхают еще на подступах к резервации? Утешало одно: навряд ли оборотни примутся болтать направо и налево, что у них скрывается невеста младшего принца.

– Мы, деточка, с Их Высочеством друзья. Будем знакомы. Меня здесь зовут Хруст.

– Здесь? А там вас как зовут? – я кивнула себе за спину, в сторону города.

– А вот это как раз не твое дело. У нас не принято пользоваться светскими именами. Не все хотят афишировать, что появляются в резервации лишь в полночь оборотня.

– Незарегистрированные особи тайно живут в людском мире?

– Оборотни везде, милая. Нас гораздо больше, чем ты представляешь. И не все носят браслеты. Когда свыкнешься со своей второй сущностью и научишься управлять ею, можно пренебречь строгим ошейником.

Это я понимала. Сама привыкла к самоконтролю. Но я недо–обротень, и от меня, яростной, проблем не больше, чем от мыши. Но вот что будет с Хрустом, когда он попадет в опасную ситуацию?

– Вы тоже обходитесь без Стража?

– Как видишь, – он потряс передними конечностями. Волки за спиной пренебрежительно фыркнули.

– Тогда не удивительно, что на холмах в полнолуние находят трупы. Получается, не все справляются с внутренним зверем?

Мои слова заставили шерсть на холке Хруста подняться дыбом. Я задела его за больное.

– Может, пойдем уже? Меня дедушка ждет.

Я позже поразмыслю, что Харрита связывает с оборотнями. Только ли дружбы со стариком Шердом? В том, что младший принц бывал в резервации и тесно общался с местными обитателями, сомневаться не приходилось. Они знали его запах!

– Твое лицо мне тоже кажется знакомым. Тебя бы помыть и одеть, как женщ–щ–щину.

Его придыхание мне не понравилось. Я дернула плечом и смело направилась через мост. Четверо волков молчаливым конвоем сопроводили меня до самых ворот резервации.

– К дону Шерду, – произнес мой новый знакомый стражу у ворот. Тот находился в образе человека и был вооружен.

– К дедушке, – на всякий случай я обозначила близость родства. Уж очень внимательно смерил меня взглядом стражник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.